

Тимофей Веронин

КОМУ МОЛИТЬСЯ В БОЛЕЗНЯХ

РАССКАЗЫ
О СВЯТЫХ ЦЕЛИТЕЛЯХ

Издательство
Московской
Патриархии
Русской
Православной
Церкви

СЕРИЯ «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»

Тимофей Веронин

КОМУ МОЛИТЬСЯ В БОЛЕЗНЯХ

Рассказы
о святых целителях

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2014

УДК 244
ББК 86 372
В31

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 14-407-0795

Веронин Т.

В31 Кому молиться в болезнях: Рассказы о святых целителях. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — 192 с.: ил. — (Православие в жизни).

Перед вами жизнеописания святых целителей как раннехристианского периода истории, так и последних веков. Именно им молятся верующие во время совершения Таинства соборования и молебнов о здравии. Издание призвано не только познакомить читателя с жизнью и подвигами святого великомученика и целителя Пантелеимона, святого мученика Трифона, святого праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Матроны Московской и многих других, но и пробудить веру во Христа, донести мысль о необходимости жертвенной любви к людям во все времена.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2014
© Веронин Т., текст, 2014

ISBN 978-5-88017-452-2

ОТ АВТОРА

Когда-то индийский царевич после долгих лет безмятежной жизни во дворце впервые вышел на улицу и встретил больного старика, нищего калеку и похоронную процессию. Он узнал, что в мире есть болезнь, нищета, старость и смерть. И душа его потеряла покой, потому что тяжело жить и знать, что рано или поздно к тебе придут страдание и гибель.

Но святая Церковь открывает нам то, что не было ведомо тому индийскому царевичу: мир управляется благим Богом, и всякое страдание, всякая болезнь и даже сама смерть даны нам во благо. Если мы правильно примем их, если перенесем без ропота, то хоть в малой мере таинственно приобщимся к спасительным страданиям Самого Господа. «Несчастье — нам учитель,

а не враг», — писал Василий Андреевич Жуковский, а болезнь — это одно из самых больших несчастий и один из самых мудрых учителей. Она учит нас тому, как слаб человек, как нуждается он в помощи ближних. Болезнь развивает в нас чувство сострадания, ведь, испытав боль, мы лучше понимаем тех, кто страдает рядом с нами. А главное — в болезни человеку легче ощутить близость небесного мира. Болезнь обнажает всю шаткость и ненадежность земного, и человек из глубины своего страдания взывает к Богу и Его святым.

Если окинуть взглядом историю христианской святости, то легко заметить, что большинство святых явило и продолжает являть свое чудодейственное участие в жизни земной через помощь в болезнях. Именно исцеления, произошедшие у мощей того или иного подвижника благочестия, чаще всего становятся свидетельством его святости. Но есть такие святые, которые особым образом являют свое участие в телесных немощах живущих на земле людей. Чаще всего при жизни они тоже прославились исцелениями и в своей небесной жизни продолжают начатое на земле. Имена многих из них вошли в молитву Таинства соборования,

и священник призывает их на помощь во время совершения Елеосвящения. Это, конечно, древние святые целители, многовековая традиция почитания которых выявила их особое участие в наших болезнях. Но есть и святые последних веков, за которыми наименование целителей не утвердилось. Но они так часто приходили на помощь больным и приносили исцеления, что нам в этой книге нельзя было не поговорить и о них.

Для того чтобы обращаться к святому, нужно хоть в самой малой мере любить его, доверять ему. Нужно принять его в свое сердце. Может быть, наша книга станет одним из средств к достижению этой непростой цели. Нам хотелось не столько подробно изложить жития святых целителей, сколько попытаться передать то тепло любви и милости, которым согревают наши охладевшие земные души эти небесные люди. Мы будем счастливы, если после каждого очерка у читателя возникнет стремление молитвенно воздохнуть к тому, о котором только что было прочитано. Помяните тогда в своих молитвах к святым целителям и немощного автора этой книги.

Часть первая

СВЯТЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ ДРЕВНОСТИ

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК И ЦЕЛИТЕЛЬ ПАНТЕЛЕИМОН

Светлый юноша с кудрявыми черными волосами и ясными, чистыми глазами — таким запомнился целитель Пантелеимон совсем еще молодой женщине Агнии Поликарповой. Она осталась одна, беспомощная, с новорожденным младенцем. Мучительные головные боли лишали ее сил, погружали в полусознательное состояние. В редкие минуты, когда младенец засыпал, а боли отступали, она хваталась за недавно подаренную ей книжечку — житие святого целителя с его крохотным изображением. Вглядывалась в его лик, просила, плакала. Боль снова накатывала, младенец просыпался, но встать с постели, подойти к нему сил не было.

И однажды кто-то неслышно вступил в ее комнату, мягко склонился над плачущим младенцем, и Агния узнала этого

черноволосого юношу с ясными глазами. Младенец затих. А потом целитель подошел к больной. Тишиной, ласковым теплом повеяло на нее. «И самая нежная мать не может хранить своего малютку так, как он хранил меня в эти дни», — писала потом Агния.

Здоровье вернулось к ней, и в сердце навсегда осталось тепло той таинственной встречи.

Черноволосый юноша в старинной одежде, с небольшим ковчежцем в одной руке и крохотной ложечкой в другой, — он смотрит на нас со своей иконы в каждом храме. Мы несем к нему свои молитвы.

— Святой Пантелеимон, прошу тебя, пожалуйста, моли Бога об исцелении моего сыночка Семена...

— Великомученик Пантелеимон, помоги моему Диме вылечиться...

— Прошу тебя помочь исцелению внука моего Ильи... — горячо молится кто-то перед иконой целителя.

И тайные вздыхания душ слышны в этих простых просьбах.

— Святой Пантелеимон, спасибо тебе, что помог, что услышал мои молитвы, — благодарит святого новый голос.

Год 2000-й от Рождества Христова. К Храму Христа Спасителя в Москве вьется длинная очередь. Час за часом стоят люди, вырвавшись из обыденной реальности, устремившись к небу. Ведь там, в Храме, в небольшом посеребренном ковчеге, — честная глава того, кто был когда-то обезглавлен римскими воинами за верность Христу. Люди идут к целителю с болезнями и повседневными нуждами, с тем чтобы облегчил, помог, устроил, несут свои заботы в Храм, к святому жителю вечного мира, и значит, тоже тянутся от суеты сует, из пучин житейского моря — к небу.

Простой русский крестьянин уже позапрошлого, девятнадцатого века. Болезнь приковала его к постели. День ото дня становилось хуже. Боль, бессонница, стоны. Измученная страданиями мужа жена хотела везти его в больницу. Но что такое для тогдашнего сельского жителя врачи и больницы? Только пытка чаще всего безрезультатными лечебными процедурами, а еще и деньги. Те последние жалкие сбережения, которые спрятаны в самом укромном уголке в холщовом мешочке...

— Нет, хозяйка, доктора мне уже не помогут, один у меня доктор, — и больной

указал на небольшую бумажную икону целителя Пантелеимона, которую купил когда-то в Москве в знаменитой часовне на Никольской.

— Дай мне ее, — и он прижал к себе дешевый образок. — Помоги мне, святой целитель, — шептал больной, и долгожданный сон пришел к нему.

А во сне крестьянин сидел на лавке в своей избе. Он знал, что болен, но чувствовал себя спокойно и хорошо. Солнце заливало деревенскую улицу. Куры мирно поклевывали придорожную землю. И вдруг бесшумно, легко, по ухабам сельской дороги подъехала карета. Таких экипажей в их глуши никто не видывал. Дверца приоткрылась. Там было трое. Два старца, а третий... Такое знакомое ясное молодое лицо и странная старинная одежда! Точно как на бумажном образке! Юноша вышел из кареты, вошел в избу. Он сел на лавку к больному. Он обнял его, как друга, как отца.

— Ну вот и я, твой доктор, здравствуй, ты ведь звал меня, — прозвучал тихий голос. И больной притянул к нему, и радость, неизъяснимое блаженство залили душу.

— Я здоров, хозяйка, слышишь, здоров, — весело проговорил проснувшийся

крестьянин. На полу котенок играл с лучиком солнца, а в сердце недавнего больного горел огонек иного, вечного, света.

Летний день в дореволюционной Москве. По старому стилю — конец июля. Никольская улица, что ведет к Красной площади, запружена народом. Идут и поют тысячи, тысячи людей. Больше, конечно, серых простонародных кафтанов, бабьих платков, но есть и сюртуки, и изящные платья. Москва величает своего любимого целителя, кроткого великомученика Пантелеимона.

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть, —

так писала за год до революции Марина Цветаева.

Сюда, на Никольскую, в величественную часовню, каждодневно шли люди. Несли свои скорби к образу святого с частицей его мощей, привезенной с Афона. Благодатный старец Агафоклий встречал богомольцев и просителей, помазывал маслом. Сюда ехали со всей России. Место знали все: пройти в ворота Китайгородской стены,

миновать приземистую церковь Владимирской иконы — и окажешься возле дверей, из-за которых льется напев очередного молебна.

Уже после революции один еврей заболел раковой болезнью, врач отмерил ему несколько недель жизни. Они с женой в отчаянии ехали из дорогой лечебницы по Никольской улице. Неожиданно больной попросил остановить коляску возле часовни.

— Я должен зайти туда.

— Но ты же другой веры, — возражала жена.

— Но я ощущаю властный призыв, я не могу противиться. — Он вбежал в часовню и впервые в жизни упал на колени перед христианской святыней. Слезы не давали шептать слова прошений.

Через несколько недель в один из подмосковных храмов пришел пожилой человек.

— Я еврей, но хочу креститься, — сказал он священнику. — Потому что ваш святой дал мне здоровье. Я верую вашему Богу.

А между тем шли 1920-е, советские, годы. Быть христианином становилось все опаснее. Но святой целитель перевернул душу этого человека, ввел его в свою часовню, даровал ему здравие и открыл Христа.

А через несколько лет прекрасная часовня вместе с крепостной стеной и несколькими старинными зданиями взлетела на воздух. Гул рухнувших обломков прокатился по Красной площади, ударился о стены Кремля и отхлынул к реке. По воде пошла тревожная рябь. Словно кто-то осторожно ступал по речной глади.

А там, где стояла часовня, на углу Богоявленского переулкa и Никольской улицы, долгое время был небольшой сквер. А потом соорудили здесь торговый центр. Спешат мимо витрин магазинов покупатели, свистят мобильные телефоны, шуршат упаковочные пакеты, с рекламных плакатов глядят упоенные блаженством приобретения новых вещей белозубые красавицы и красавцы. Но, может быть, и сейчас — на этом месте, если остановиться, если вслушаться, то различишь чей-то молитвенный шепот, плач, пение. Ведь он все равно остался с нами, не ушел, «младенец Пантелеймон», целитель «всякой болести».

* * *

...Когда он был совсем еще маленьким, мама часто произносила над ним имя христианского Бога. Если ему случалось болеть

и от жара ломило ножки и ручки, она осеняла его крестом. А когда он выздоравливал, садилась с ним в саду их богатой виллы в малоазийском городе Никомидия и рассказывала о том, как был распят Сын Божий и как ранним весенним утром на третий день после Своей смерти Он явился сперва женщинам, потом являлся ученикам, и наконец у них на глазах вознесся на небо.

— Он ждет нас там, сынок, — говорила мать.

Сквозь ветви персиковых деревьев блистала небесная лазурь. И мальчик долго глядел в сияющие просветы.

А потом мама умерла.

Спустя годы отец отдал его учиться врачебному искусству. Он молился вместе с отцом Юпитеру и Диане. Его учитель Ефросин усердно приносил жертвы Асклепию. Но лазурь, которая сияла сквозь зелень деревьев, волновала душу мальчика. Глядя в небо, он часто вспоминал мать, и смутная тревога закрадывалась в сердце, когда отец возжигал светильники в домашней кумирне.

Мальчик быстро добился успехов. Сам император Максимиан, посетивший Никомидию, обратил на него внимание. Ему

прочили придворную карьеру. Ефросин был доволен Панталеоном. Да, именно так называл его отец. «Во всем как лев» — значило это имя. Отец хотел видеть в нем сильного, ревностного подданного великой империи, верного гражданской доблести своих предков и величию их могущественных богов.

Но все в его жизни перевернулось после того, как он услышал свое имя на углу немощеного переулка и большой улицы. Каждое утро проходил он там к своему учителю и не обращал внимания на пожилого человека, который копал что-то в саду или просто сидел у порога своего скромного дома.

— Панталеон, — произнес этот человек, и юноша остановился. В бороде незнакомца пробивалась седина, худые руки мирно покоились на коленях. А глаза были простые и мудрые.

— Я знаю, ты достойный ученик прославленного врача. Но знаешь ли ты — кто истинный Врач всех людей?

— Нет, — с волнением, словно ожидая чего-то, отвечал Панталеон.

— Христос, — тихо произнес человек.

Названное Имя вмиг воскресило в памяти юноши и лазурь, сияющую сквозь ветви персиковых деревьев, и маму, склоненную

над детской кроваткой, и таинственное тепло материнского благословения.

Панталеон часто потом приходил к этому человеку. Оказалось, что он был священником гонимой христианской Церкви. Звали его Ермолай. В дальней комнатке небольшого дома услышал Панталеон о происходивших в далекой Галилее событиях трехсотлетней давности. О том, как холодной ночью родился в пещере Спаситель мира. Как потом вышел на проповедь, исцеляя и утешая людей. Как Он поднял с постели расслабленного, возвратил зрение слепому, как воскресил мертвую девочку, дочь начальника синагоги, и юношу, единственного сына вдовы, и друга Своего Лазаря.

«Неужели вера моих отцов — ложная вера, а истина здесь — в словах этого тихого человека?» — часто думал Панталеон и вспоминал свою мать. В задумчивости он нередко теперь блуждал после занятий по городу, лишь к вечеру возвращаясь домой.

Однажды юноша вышел к пустырю и у самой дороги среди камней и сухих колючек увидел змею. Она свилась на камне и шипела, поднимая голову. Зловеще поблескивали ее холодные глаза, и Панталеон в страхе отступил в сторону и вдруг

споткнулся обо что-то. Он подумал, что это ком земли или бугорок, но, оглянувшись, увидел бледного мальчика. Тот лежал на земле, безжизненно запрокинув голову, разметав тонкие руки. Лицо — блее полотна, губы безвольно разжаты, неподвижные глаза отсвечивали стеклянным, безжизненным холодом. Ошибки быть не могло, мальчик мертв. На ноге, чуть выше щиколотки, был крохотный след от укуса, смертельный змеиный яд остановил маленькое детское сердце. Забыв об опасности (а змея все с тем же холодным вниманием продолжала следить за человеком, готовая к нападению), Панталеон приблизился к мальчику. И стало пронзительно, до боли жалко этого ребенка. Ему не было и десяти лет. Где-то рядом живет его семья, братья, сестры. Мама ждет его и думает, наверное, что сынок опять заигрался с друзьями, и уже начинает сердиться и не знает, какое горе совсем рядом с ней. И сердце Панталеона наполнила решимость.

— Нет, я не хочу этой смерти, этого горя. И Тот, о Котором говорил мне Ермолай, Кого призывала ночами моя мама над моей кроватью, Он тоже не хочет этого горя. Он хочет и может помочь, — прошептал Панталеон.

В душе заструилась его первая молитва — молитва милости и сострадания:

— Господи Ермолая и моей матери, Ты пришел на нашу землю, и про Тебя говорят, что Ты при жизни Своей исцелял и воскрешал. Если это так, если Ермолай прав, а мой отец и мой учитель обманываются, сотвори чудо, воздвигни этого мальчика, верни его матери, а змею останови, пусть не сеет она больше смерть!

Как много сил отдал юноша этой молитве! Сев на землю, он спрятал лицо в ладони, перед ним снова мелькнула грозно шипящая змея. И он застыл. Нет, больше он ничего не ждал, не просил, но словно бы на мгновение забылся, потерял себя, утратил ощущение действительности.

— Ой, смотри, что с этой гадиной случилось, — прозвенел вдруг над его ухом веселый мальчишеский голосок. — Это ты ее так? А она ведь меня, кажется, укусила, а вот — ничего.

Перед ним стоял тот самый мальчик, живой, уже не такой бледный. Он улыбался, болтал, а возле камня лежала змея, разрубленная пополам. Только кем?

Панталеон вскочил на ноги, радость захлестнула его сердце.

— Значит, Ермолай прав, значит, Иисус — Бог! — выкрикнул он и обнял мальчика, и хотя тот ничего не понял, но тоже обнял Панталеона. — Беги, беги к матери, она тебя ищет, ты задержался, слышишь, — спешно проговорил юноша. И мальчик в самом деле побежал, а Панталеон не побежал, а полетел к домику на углу тихого переуллка и большой улицы.

В этот день родился новый человек. В дальней комнате своего скромного дома отец Ермолай крестил Панталеона. В низкой комнатухе тихо горела лампада. Было холодно. В очаге дотлевали угли. Но юношу согревало неземное тепло. Он замер, с радостным изумлением ощущая Чье-то сладостное неземное прикосновение. Кто-то был сейчас в этой комнате, Кто-то посетил этот крохотный домик и Своим теплым дыханием вошел в сердце юноши.

Но как стремительно пролетело время, как быстро настал тот час, когда Панталеона призывали к прибывшему в Никомидию императору. Этому предшествовало исцеление слепца. Именем Христа вылечил его молодой врач. Завистники донесли об этом императору. И вот повелитель мира мрачно вглядывается в чистые ясные глаза Панталеона.

— Что же ты, юноша, не стремишься ко мне на службу? Или не хочешь послужить великой империи и самому императору? Тебе больше нравятся оборванцы и обманщики? А может, тебе по сердцу сказки про казненного на кресте обманщика из Галилеи?

— Он не обманщик, и повествования о Нем — не сказки, — тихо, но твердо возразил Панталеон. — Он истинный Бог.

— Не безумствуй, — усмехнулся император.

— Я не безумствую, безумствуют те, кто не признает Господа, Творца неба и земли, — твердо прозвучал под сводами дворца молодой голос. — Хочешь увидеть Его мощь и испытать силу римских богов? Я знаю, у тебя сейчас есть смертельно больной слуга. Пусть принесут его сюда, и пусть твои жрецы призовут своих богов на помощь, да придут они исцелить его. А потом и я призову своего Бога.

Долго молчал Максимиан. Потом приказал:

— Несите.

Лежащий на носилках человек. Уже несколько недель он прикован к постели. К бледному лбу прилипла прядь волос. Он хрипло дышит, и бескровные губы едва

шевелиются. Громкие молитвенные восклицания жрецов оглашают здание. Пахнет ладаном, а потом и жареным мясом. На жертвеннике дымится молодой барашек. Но больной только кашляет, задыхаясь от струящегося в его сторону дыма.

И вот возле носилок — Панталеон. Он не зажигает жертвенного огня, не простирает к небу рук с громкими криками. Он склоняется к больному и берет его худые длинные пальцы в свои мягкие руки.

— Господи, услыши молитву мою и уми-лосердись над этим страдающим созданием Твоим, — говорит он тихим голосом. Только император и несколько приближенных могут слышать Панталеона. Остальные замирают в тишине. Тишина опускается на всех, наполняет покои дворца, тишина просится в каждое сердце, даже в сердце жестокого Максимиана. И в тишине слышно, как скрипят носилки, когда больной поднимается на ноги. Панталеон дает ему руку, и они идут, идут по залу, и тишина шествует вместе с ними, и никто не может эту тишину нарушить, пока не раздается резкий звук. Это император ударяет в ярости по каменным плитам своим жезлом.

По приказу царя святого целителя повлекли на муки. Строгали железными когтями, жгли огнем. Потом отдали на съедение львам. Львы лизали его ноги. Они не могли, не смели ничем повредить ему. Кровь, раны, ожоги превратили некогда прекрасное тело в сгусток боли. Но большие, ясные глаза глядели на мучителей без злобы и даже с жалостью. А когда предсмертная пелена стала заволакивать этот чистый взор, когда тьма почти совсем охватила сознание, он увидел сияние. Это сияние приближалось и росло. И вдруг появилась фигура, которая показалась Панталеону такой знакомой... Боль стихла, крики мучителей, гул толпы стали едва слышны. Тот, кто приближался к нему, был так похож на священника Ермолая. Но ведь священник только что на глазах у Панталеона был казнен по приказу императора. Однако черты лица похожи. Похожи и в то же время — иные... Нет, это не Ермолай. Это, это...

— Пантелеимон, — раздался спокойный ровный голос. И мученик узнал его. Ведь это был тот самый голос, который слышался ему со страниц Евангелия, когда в тесной комнате скромного дома священника Ермолая собирались тайком христиане на

Литургию. В темноте только одна лампада едва мерцала перед изображением большой рыбы на стене, и священник доставал из тайника драгоценную книгу. Он читал слова Спасителя, и голос его становился иным, это был уже не его голос, не голос отца Ермолая. Сам Христос говорил его устами...

— Пантелеимон, — снова услышал страдалец.

Спаситель давал ему новое имя. Нет, он не «во всем подобный льву», а «всемило-стивый» — таково значение нового, истинного имени мученика и целителя, имени, которое получил он за несколько часов до смерти. За несколько часов до того, как меч римского воина отсек его голову.

Это имя пройдет через века. Оно перелетит границы Римской империи, переживет многие исторические эпохи и шагнет в наш суматошный, информационно-индустриальный век. Снова и снова, входя под своды наших храмов, мы невольно будем выискивать глазами икону черноволосого юноши с небольшим ковчежцем и крохотной ложечкой в руках. Огонек нашей свечи будет ласкаться к его тонкой бледной руке. А мы задержимся на минуту подле его нежного светлого лица, потому что нам всегда

есть о ком и о чем попросить всемилостивого целителя и великомученика Пантелеимона.

Святой мученик Трифон

Есть в Москве, недалеко от Рижского вокзала, маленькая церковка. Она затеряна среди безликих многоэтажек брежневского времени и кажется странным вкраплением далекого и прекрасного прошлого в нашу серую современность. Это один из самых древних храмов Москвы, а посвящен он мученику Трифону. Даже и улица, на которой стоит храм, называется Трифоновской. Каким образом имя древнего мученика освятило этот уголок Москвы?

Прежде чем ответить на наш вопрос, перелистаем страницы жизни человека, который жил восемнадцать веков назад, но и сейчас известен многим людям, совершенно далеким от исторических изысканий.

Святой Трифон прожил совсем недолго. Как и целителя Пантелеимона, на иконах Трифона изображают обычно юношей, потому что еще молодым человеком принял он великие мучения за Христа и перешел в вечную жизнь.

Родился Трифон в Малой Азии в третьем веке после Рождества Христова. Жил он в селении Кампсада неподалеку от города Апамеи. Предание говорит о нем как о совершенно необычном мальчике, который наделен был даром врачевания и чудотворения. Когда и почему развился в нем этот дар, мы не знаем. Но знаем, что творил он чудеса не волшебными заклинаниями, а силой Христовой. Он был простым сельским мальчиком, но, судя по всему, его родители исповедовали христианство. Новая вера в те времена давала ростки не только в городах, но и в далеких селениях, где, казалось бы, крепко сохранялось почитание древних языческих богов.

Евангельское учение глубоко было воспринято невинной душой мальчика. Трифон часто пас гусей в окрестностях родного селения. Он созерцал красоту, тайну окружающего мира и чувствовал чистым сердцем присутствие в земной красоте Небесного Отца, Бога любви и милости. И сердце его загоралось любовью. Нередко приходил он в дома своих односельчан в те дни, когда там слышен был плач, когда умирал ребенок или мучилась в послеродовой горячке молодая мать. Он смотрел на

чужую муку с сочувствием и взывал к Спасителю:

— Господи, когда Ты ходил по земле, Ты отзывался на всякое земное страдание, Ты исцелял и воскрешал. И я верю, что Ты и сейчас рядом с нами и можешь помочь! — И затихал детский плач, вставала с постели безнадежно больная.

О Трифоне заговорили не только в родной деревне, но и в окрестных селениях. Особенно после случая... с гусеницами. Летом у многих крестьян посевы стали засыхать и сгнивать на корню. С ужасом видел то один, то другой крестьянин, что его надежда, его хлеб насущный, которым должен он питать себя и свою семью целый год, гибнет. Мы, привыкшие к переполненным магазинным прилавкам, не понимаем того горя и страха, которые испытывали люди в таком положении. А причина бедствия была в том, что в полях стали плодиться вредные гусеницы, уничтожавшие корни растений. Со слезами глядел на это и мальчик Трифон. И однажды к нему пришли те, кому он уже успел помочь, и те, кто слышал о его чудотворениях. Взрослые сильные люди, привыкшие к нелегкому грубому труду под палящим солнцем, стояли

перед худеньким мальчиком. Они ждали от него помощи.

— Ты должен спасти нас, Трифон. Проси своего Бога! — сказал один из крестьян.

На следующее утро, когда солнце осветило колосющиеся поля, осветило и те участки, на которых темнели засохшие и поникшие посевы, мальчик, воздев руки, в простоте сердца обратился к насекомым:

— Заклинаю вас, черви и гусеницы, великим именем Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира, идите на дикие горы и неплодоносные деревья, оставьте поля и нивы людей сих. — Тихо журчала детская молитва, неспешно поднималось солнце над полями, и никому не видимые гусеницы едва слышно ползли прочь от желтеющих под восходящим солнцем полей.

Минули многие столетия — та молитва святого Трифона вошла в сборники христианских священнических молитв — требники. И в краях, далеких от Малой Азии, над русскими полями и нивами продолжали звучать слова святого отрока, и, как свидетельствовали многие священники, эти слова спасали от вредных насекомых и зверей урожай сельских тружеников.

Имя крестьянского мальчика из далекой деревеньки достигло императорских покоев. В семействе императора Гордиана случилось горе. Его любимая дочь, изнеженная и утонченная, заболела страшной болезнью. Время от времени неведомая сила схватывала ее и била об пол. Обезображенная недугом, она теряла сознание и долго после этого страдала. Врачи тщетно изучали рукописи Гиппократ и Галена, тщетно зывали к богу-врачевателю Асклепию. Императорская дочь снова и снова падала на устланные коврами полы прекрасной виллы в чудовищных припадках. Император, потеряв доверие к ученым медикам, стал искать иных целителей. И тут услышал он имя Трифона. Кто сказал ему об этом мальчике? Один из придворных, который оказался родом из тех мест, где жил будущий мученик? Или гонец, посланный в далекие края разыскивать врачей, случайно забрел в Кампсаду и услышал о нем? Впрочем, предание сообщает нам, что сама больная в припадке назвала имя Трифона. Так это было или иначе, но деревенский мальчик, с хворостиной в руке пасший гусей, предстал перед правителем величайшей империи. Его ввели в покои больной. До того бессильно

лежавшая, девушка вдруг с огромной силой сорвала повязки, которыми скрутили ей руки и ноги, и бросилась в припадке на пол. Она кричала, и крик ее был нечеловеческим, так не могла кричать девушка. Мальчик стоял перед чужой и страшной силой, и сердце его жалело эту бедную душу, которой завладел нечистый дух.

Почти беззвучно прошелестела молитва отрока, молитва к Тому, Кого не знали в этих царских чертогах, молитва к Царю мира, Который родился в пещере и умер на кресте, но остался сильнее всякого существа во вселенной. Последний раз сотряс нечистый дух тело девушки, и несчастная затихла, потом открыла глаза и встала. Лицо ее порозовело, она очнулась к новой жизни.

Конечно, император был безмерно благодарен Трифону. Он звал его остаться в Риме, обещал наградить и возвысить, но мальчик просил об одной награде: доставить его поскорее к родителям, к домику с плоской крышей, к полю, засеянному ячменем, к невысокой горе, поросшей соснами, над которой так величаво и радостно восходит солнце.

Но прошло немного лет, прежний император умер, и к власти пришел жестокий

правитель Декий. Он питал особую ненависть к христианству и решил искоренить новую веру в своей гигантской империи. По всем провинциям были возобновлены гонения на христиан. Правитель восточных провинций Акилин ревностно взялся за исполнение приказа императора. Имя Трифона в те годы не сходило с уст жителей многих селений и городов. К нему в Кампсаду привозили больных и бесноватых. Он был теперь уже сильным, рослым юношей, но по-прежнему горел верой и состраданием. Он продолжал преклонять колена перед милосердным Отцом Небесным и просить Его Сына посетить и спасти страдающих людей. И больные вставали, бесноватые затихали и очищались. Услышал о нем и Акилин. И однажды в Кампсаду пришли не смиренные просители, а грубые воины. Трифон был увезен в Никею, резиденцию правителя, и предстал перед Акилином.

— Назови свое имя, отчество, судьбу и веру, — спросил правитель.

— Имя мое Трифон, живу я в Кампсаде близ города Апамея. Судьбы у нас нет, и ей мы ничего не приписываем. Ведь все устраивает Промысл Единого Бога, а не случай, судьба или стечение звезд. По состоянию

я свободный римский гражданин, а поклоняюсь только Христу, Который есть начало и конец моей веры, — ответил юноша. Он без страха смотрел в глаза Акилину. Тот не выдержал его взгляда, опустил глаза и сказал резко:

— Ты что, не слышал царского указа предавать смерти христиан? Принеси жертвы богам, и ты сохранишь свою жизнь. Иначе ты будешь предан огню.

— О нет, правитель, ты ошибаешься, огню я предан буду, если отрекусь от Господа моего, огню вечному, негасимому, перед которым ничто — этот земной огонь.

— Отдайте его бичевателям, — бросил Акилин. И грубые руки схватили юношу. Сотни ударов обрушились на его тело. Он стискивал зубы, молчал, и глубоко в сердце зрела радость — радость от того, что он страдает за любимого Спасителя, он, подобно Господу в ночь накануне Распятия, принимает удары жестоких римских бичей.

И снова он был перед лицом Акилина, и снова тот требовал отречения, но Трифон свидетельствовал о своей вере, о ее красоте и правде.

А потом его повлекли по улице. Его раздели, привязали к коню и босого заставили

идти по промерзшей улице. Ступни прилипали к ледяной дороге, и страшная боль пронзала суставы.

— Утверди стопы мои в слове Твоем, — пел Трифон псалмы Давида, и неземное тепло согревало душу.

На несколько дней он был брошен в тюрьму. Юноша провел эти последние дни в молитвах. Он видел страдающего Сына Божия перед своим мысленным взором и молил Его: «Дай мне, Господи, пройти путем страдания до конца». Он знал, что главные муки впереди. Ему вбили гвозди в ноги и водили по улицам города, его бичевали и жгли огнем, привязав к столбу. Он, забываясь от боли, временами приходил в себя и, глядя на искаженные злобой лица мучителей, жалел их и молился словами первомученика Стефана:

— Господи, не вмени им греха сего! — ведь и их почерневшие души хранили в себе искру света.

Наконец он был осужден на казнь. Ему должны были отсечь голову. Трифона вывели из города. Несколько воинов сопровождали его. А поодаль, стараясь остаться незаметными, шли те, кто любил юношу и сострадал ему.

И вот настали последние минуты жизни Трифона. Палач медлил, подготавливая место казни. Было раннее утро, и солнце окрасило нежным сиянием окрестные места. Обратившись на восток, Трифон видел сердцем Того, Кто каждое утро вновь освещает прекрасный мир.

— Слава Тебе, показавшему нам свет, — шептали обескровленные губы страдальца, — благодарю Тебя, милостивый Господи, что Ты дал мне силы перенести страдания. Молю Тебя: пошли ангелов Своих и прими меня в Твои селения, молю и за тех, кто будет поминать жизнь и страдания мои, кто будет обращаться ко мне за помощью. Не оставь их, Спасителю мой, приклони милость Твою, исполни прошения рабов Твоих, — и молитвенный шепот затих. Силы покинули изможденное страданиями тело, и стоявший на коленях Трифон приник к земле.

Когда палач повернулся к юноше и приказал было ему взойти на плаху, то увидел бездыханное тело. Святая душа возшла уже к своему Отцу. Казнь не потребовалась. Наблюдавшие за кончиной святого христиане обвинили тело его пеленами и хотели похоронить в Никее. Но в ночь перед похоронами один из христиан увидел во сне

облаченного в светлое сияние юношу. Он просил вернуть его тело туда, где было ему всего лучше, в родную деревню Кампсаду. Ведь там бывает так хорошо, когда тихий ветерок качает спеющий ячмень, солнце восходит над поросшей пиниями горою и гогочут гуси, которые грустят, конечно, о любимом своем молодом пастушке.

В Кампсаде его и похоронили, но впоследствии исторические бури пронеслись над здешними местами. Малая Азия была захвачена турками, многие святыя мощи были утеряны. И все же Господь сохранил честную главу святого Трифона. Она хранится в православном сербском храме города Котора, что стоит в живописном ущелье на берегу Боки Которской — узкого залива Адриатического моря, который на много километров врезался вглубь черногорской земли. В начале девятнадцатого века один русский мастер сделал для мощей мученика серебряный ковчег, и за это сербы прислали в Москву частицу мощей святого Трифона. Частица была вделана в икону мученика, и образ этот долгое время находился в том старинном московском храме на Трифоновской улице, с которого мы и начали наше повествование.

А построен этот храм был на том месте, где древний мученик явился русскому человеку. Это было, согласно новым исследованиям, во времена великого князя Московского Ивана Третьего, которого, кстати, тоже именовали Грозным, как и его внука. И гроза этого московского правителя должна была разразиться над головой княжеского сокольничего Трифона Патрикеева — он потерял сокола-охотника, одного из тех, которых так любил государь. В горе и страхе бродил Патрикеев там, где сейчас шумит река машин по Третьему кольцу, а тогда шелестели листьями густые и богатые зверьем подмосковные леса. Он знал, что, если сокол не будет найден, с него сдерут три шкуры. Путаясь в густых зарослях, он молился. Поминал и Пречистую Деву, и заступника всех несправедливо наказуемых святителя Николая, и особенно своего святого — мученика Трифона. Наконец, уставший, он присел отдохнуть под деревом и заснул. Но сон был так похож на явь. Сокольничий увидел тот же лес: трепещущие листьями осины, мощные липы, белеющие сквозь густой подлесок березы, а между ними — белого коня, а на коне — юношу. У юноши на руке — сокол.

— Вот он, сокол твой, — промолвил всадник и растаял.

Тут же Патрикеев проснулся. На нижней ветке соседнего дерева сидел его сокол.

Загляните в интернет, наберите имя святого Трифона, и вы прочтете множество рассказов о том, как помог мученик найти ключи, документы и многое другое. А еще зайдите среди дня в Знаменский храм у Рижского вокзала — туда перенесена была икона мученика Трифона с частичкой мощей из Котора после закрытия церкви на Трифоновской. И вы увидите, что в храме, даже когда нет службы, немало людей, пришедших к образу святого Трифона с самыми различными просьбами: и о здоровье, и о помощи в житейских скорбях, и о работе, потому что мученик Трифон по каким-то таинственным причинам особенно помогает тем, кто находится в нелегких поисках рабочего места. У большинства из нас нет теперь полей и сельских угодий, над которыми надо трудиться, переживая о том, чтобы не съели их вредители и не заглушили сорняки, но на хлеб насущный мы все равно должны зарабатывать. И Трифон, мальчиком спасший своих земляков от голода и неурожая,

помогает и нам, немощным детям индустриального века, найти свой кусок хлеба, свое дело, свое скромное место в калейдоскопе современной жизни.

Он помогает нам, потому что Господь услышал его молитву, омытую многими страданиями и скорбями, ту молитву, которую произнес он за несколько мгновений до смерти. Ведь он просил о тех, кто будет поминать его. Так что будем неустанно призывать на молитве имя этого юного страдальца и чудотворца — святого мученика Трифона. И будем услышаны.

СВЯТОЙ МУЧЕНИК ФАЛАЛЕЙ

Еще одно святое имя поминается в ряду христианских целителей. Это имя мученика Фалалея. Он не столь известен у нас, как святые Пантелеимон и Трифон, и житие его совсем невелико, но и он ярким светом сияет у престола Божия и тоже слышит наши молитвы и отзывается на них.

Подобно Трифону и Пантелеимону, святой прожил недолгую жизнь. Юношей принял он страдания и смерть и взошел ко Господу незадолго до конца гонений на христианство в Римской империи.

Родился Фалалей по соседству со Святой Землей, в Ливане, и был воспитан родителями в христианской вере. Он рано узнал радость молитвы, и любовь к Богу слилась в его сердце со стремлением помочь страдающим людям. Отец, видя его сочувствие больным и немощным, отдал его учиться врачебному искусству, и Фалалей, еще будучи совсем юным, умел облегчить боль страдальцам и вселить надежду в больного.

Исповедовать Христа истинным Богом значило в то время быть готовым к страшным испытаниям и нелегким переменам в жизни. Семейство Фалалея узнало это на своем опыте. Однажды их город и окрестные селения обошла весть о новых гонениях на христиан. К их мирным жилищам приближались воины, которые должны были обязать всех приносить жертвы языческим божествам. Целыми семействами потянулись христиане в горы по узким, едва заметным тропам. Ушел со своими родителями и юный Фалалей. Мычали удивленные коровы, которых гнали почему-то в горы в самое неподходящее время, блеяли встревоженные овцы, плакали дети. В горах было тяжело

и голодно. Но каким живым огнем горела в сердце молитва! Особенно когда все засыпали, звезды усеивали небесный купол и в лунном свете дышали тишиной и покоем седые вершины. А Фалалей вставал под этой звездной красой, которая сияла над спящим миром, и всем своим существом ощущал изобильную благодать воскресшего Спасителя.

Но запасы пищи кончались, голодные дети просили хлеба, нужно было раздобыть где-то муки, проса. Взяв холщовый мешок, Фалалей отправился вниз, туда, где шумели людские селения, надеясь принести своим братьям и сестрам хлеб насущный. Он был молод и силен, ему было восемнадцать лет. Загорелое лицо его улыбалось, глаза смотрели смело и просто. Пройдя полдневный путь, Фалалей одному ему ведомыми тропами спустился в долину. Его взору открылась тенистая дубрава. Он присел под могучим дубом, и веки его смежились. Ласковым дыханием овеивал лицо лесной ветерок. Мирно перелетали птицы с ветки на ветку. И вдруг грубый удар сандалии разбудил Фалалея. Перед ним стояли два воина.

— Кто ты и какой ты веры? — спросил один из них.

— Я — христианин, — не стал скрывать правды юноша.

— Тогда ты отправишься сейчас к правителю города, и, боюсь, тебя ждет там несколько неприятных минут, — криво усмехнулся воин постарше и скрутил Фалалею руки.

Этих воинов звали Александр и Астерий. Они были раздражены на своего начальника за то, что им приходится заниматься ничемным делом: вылавливать каких-то бездельников. Они шли весь путь, ругаясь и шпыняя своего пленника. И не знали, что вели того, кто скоро откроет им двери вечной радости.

Спустя пару часов Фалалей стоял перед правителем. Суетный город шумел за окном, недалеко от дворца качалось и било о берег море. Не раз и не два требовал гонитель, чтобы юноша отрекся от своей веры.

— Я люблю своего Господа больше жизни и верую только Ему, — отвечал Фалалей на все вопросы. И столько было тихого мужества и красоты в его облике, что в душах воинов, которые привели его и стояли теперь рядом, шевельнулось что-то. То ли вспомнилось какое-то потерянное детское счастье, то ли жалко стало этого красивого

статного юношу. Но потом они услышали жестокий приказ правителя:

— Просверлить ему ступни и подвесить к дереву! — Александр и Астерий взяли орудия казни, положили на землю связанного Фалалея. Он закрыл глаза и творил в глубине сердца молитву, чтобы вынести боль. Но что это? Вместо его ступней в руках мучителей кусок дерева, который непонятно почему схватили они и проделали в нем дырки. Правитель негодовал:

— Безумцы, что вы делаете, почему не исполняете приказ? Что за глупые шутки?

— Мы сами не знаем, как такое случилось, — запинаясь, ответил один из палачей. А потом прибавил неожиданно твердо: — Господин, я не могу исполнить твоего приказа. Делай что хочешь, но я вижу силу Бога Фалалея. Велик Бог христианский!

— Воистину велик, — решительно отозвался другой.

Вскоре другие палачи отсекали головы двум новым христианам-мученикам Александру и Астерию, которые, умирая, крестились в собственной крови и радостно встретили беспредельный мир вечной жизни.

А Фалалей еще стоял перед правителем. Напуганный происшедшим, тот хотел

поскорей отделаться от юноши и повелел отдать его диким зверям. Фалалея кинули в клетку к огромной голодной медведице, которая за мгновение до того в ярости грызла прутья клетки. Когда мученик оказался рядом с ней, она поползла к нему, как домашняя собачонка, и лизала ноги его и руки. Правитель, обвиняя Фалалея в колдовстве и втайне боясь его непонятной силы, повелел казнить юношу.

Восемнадцатилетний христианин спокойно лег на плаху. Он умер непобежденным, потому что непобедим воскресший Христос.

Было это в 284 году, и оставалось всего тридцать лет до того времени, когда великая Римская империя в лице императора Константина склонит свою гордую голову перед распятым Сыном Божиим и признает свободу христианского богослужения, на многие века остановив открытые гонения на христиан.

Мученичество святого Диомида

Два других римских солдата тоже были посланы казнить одного человека. В чем состояло его преступление? Не в том

ли, что, приходя в дом больного, он подолгу молился распятому Сыну Божиему, а потом незаметно уходил, отказавшись от платы? Может быть, его вина была в том, что возле его дома в Никее стояли люди, ждущие помощи, и мешали проезжать торговым повозкам? А скорее всего, он виновен был в том, что те больные, которые легко вставали с постели после его ухода, оставляли веру отцов и начинали почитать истинным Богом и Царем мира Иисуса из Галилеи, жившего за триста лет до римского императора Диоклетиана. Так или иначе, но два сильных воина были посланы казнить человека по имени Диомид. Но им так и не удалось исполнить приказ. Более того, после встречи с целителем, а вернее — с его бездыханным телом, они сами исповедали Богом Того, Кому всю жизнь молился Диомид и Кого ненавидел их император. С ними случилось то же, что с Александром и Астерием.

Диомид был еще не стар и, казалось, далек от смерти, когда в Никею прибыл Диоклетиан. Будущий мученик знал, чем грозит приезд этого ненавистника христианства. Он простился с домашними, отдал последние распоряжения и ждал, когда за

ним придут. Ведь в городе слишком многие знали о его вере. А доносчики и зложелатели всегда найдутся. Незадолго до прихода тех двух солдат он вдруг почувствовал дурноту. Силы оставили его. Пришедшие сбросили его с постели грубым толчком. Он еле добрался до телеги, на которой повезли его по тряской улице туда, где ждали его муки и смерть. Но становилось так тяжело дышать, и что-то сдавливало сердце. А потом он несколько раз порывисто вздохнул и затих.

Один из солдат обратил внимание на безвольно поникшую голову узника.

— Что с ним? — испуганно пробормотал солдат.

— Он мертв, — отозвался другой.

Что было делать? Так являться к начальству нельзя. Они решили отсечь голову уже мертвому, инсценируя казнь. Но в то мгновение, когда меч коснулся головы Диомиды, оба солдата вскрикнули от испуга. На их глаза опустилась ночь. Наугад, с большим трудом они добрались до дворца императора. Начальник стражи был и удивлен, и напуган случившимся. Разгневавшись, он велел солдатам идти обратно.

— Мне мало головы, принесите тело! — кричал он.

В отчаянии отправились воины исполнять приказание. Окровавленная голова мученика была у одного из них в мешке. А когда тот, что шел впереди, натолкнулся на мертвеца, другой вынул из мешка голову и приложил ее к телу. Тогда открылись у них глаза. И они увидели, что лицо казненного не обезображено болью и страхом, а хранит на себе печать неземного мира. Его застывший взгляд словно видит что-то непостижимо радостное. И они склонили колени перед этими святыми останками и исповедовали веру в Бога Диомидова, Бога христиан.

СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ КИР И ИОАНН

Среди тех, кого Церковь величает целителями, кого призывает в молитвах о здравии болящих при совершении Таинства елеосвящения, на водосвятных молебнах и в других молитвословиях, есть несколько святых, которые всегда именуются попарно. Вдвоем они совершали свое служение, вдвоем, чаще всего, переходили и в жизнь вечную. Это святые друзья и братья, чья дружба и братство были во Христе и ради Христа. Они вместе шли к единому свету Христову, потому что вместе идти

легче и радостней, вместе не так горька чаша страданий, не так тяжела ноша трудного земного бытия.

За день до памяти мученика Трифона празднуется память святых чудотворцев и безмездных врачей Кира и Иоанна. Пути их сошлись не сразу. Их происхождение, родина и занятия были различны. Но сердца их искали одного, и судьбы их сплелись в конце концов воедино.

Кир родился в Египте, в великой и славной Александрии. С юности был он обучен искусству врачевания, с детства воспитан в тогда еще гонимой христианской вере. Александрия была знаменита своими дворцами и языческими храмами. В ней скопились богатства всей Северной Африки, но были в ней и кварталы бедноты. Там в каменных душных каморках не прекращались болезни, рождались и тут же умирали дети, слышны были плач и стоны. Туда-то чаще всего и спешил средних лет человек в светлой накидке, с небольшим мешком за плечами. Он приходил в беднейшие дома, рисовал на стене таинственные знаки: крест и рыбу, и погружался в молитву.

— Тебя, — говорил он лежащему в лихорадке молодому плотнику, — исцелить

может только твой Создатель и Спаситель, Иисус Христос, Который пришел в этот мир и жил в Галилеее двести лет назад и был, как ты, плотником. Веришь ли Ему, брат мой?

На сердце у измученного болезнью бедняка потеплело, и слезы выступили на глазах, и он прошептал:

— Я хотел бы верить, потому что наши боги жестоки и хитры, и тщетны все наши жертвы...

— Если так, то вставай с постели и ходи, потому что ты совершенно здоров.

И, не веря себе самому, плотник поднимался с постели, его измученные многодневной лихорадкой члены наполнялись силой. Но главное — в душе звучало новое и сладкое имя — Иисус.

Так ходил Кир по домам бедняков, хотя заглядывал и в богатые чертоги, ведь и там нуждались в исцелении тела, а более всего — души. Он нес обновление сердцам людей, нес им дыхание свободы, потому что Христос пришел отпустить пленных на свободу, дать им силы для новой жизни.

Но однажды по городу пробежал слух: император издал указ о жестоких мерах против христиан. Кира знало полгорода, и всякий почти, кто знал его, дорожил

им, как великой драгоценностью, ведь он был последней надеждой тех, кому все остальные врачи прочили только смерть. Многие александрийцы были убеждены: пока есть где-то рядом Кир, можно быть спокойным за любимого ребенка, даже если его бьет лихорадка. Ведь Кир придет, помолится и поможет. А теперь ему угрожала смерть.

— Уходи, беги, сохрани свою жизнь, ты нужен людям, — говорили Киру в бедных хижинах и богатых домах.

И он ушел. Он шел, куда вела его дорога, куда петляли горные тропки, куда звал таинственный внутренний голос. Он укрылся от гонений в Аравии. Там нашел он христианских монахов и сам принял монашество. Но не с тем, чтобы уйти от людей и беседовать только с Богом, а с тем, чтобы всю свою жизнь отдать служению Христу, Который говорил: «То, что вы сделали одному из малых сих, вы сделали Мне».

Кир и здесь продолжал искать тех, кто страдал и ждал исцелений. Он приходил в затерянные среди песков аравийские селения, склонялся над измученными проказой больными, над умирающими детьми, над обессиленными стариками, помазывал

маслом, поил отваром целебных трав и говорил о распятом и воскресшем Сыне Божиим, Который ходил по земле, сострадая больному человечеству и неся ему исцеление. Везде, где побывал Кир, оставалось радостное ощущение встречи с Богом любви, и выздоравливающие больные становились христианами. Так любовью и милостью росла и крепла гонимая Церковь.

А в эти времена в Сирии жил человек по имени Иоанн. Он был воином, но нередко душа его тяготилась этим званием. Ведь более всего хотелось ему нести людям не раны и смерть, а радость и утешение. Был он христианином. И тогда же, когда Кир ушел из Александрии, спасаясь от гонений, удалился из родных мест и бывший воин Иоанн. Он оставил свою службу, своих родных и отправился в Иерусалим. Там размышлял он о жизни Спасителя, слушал евангельские повествования в тайной пещерной церкви недалеко от того места, где был распят Спаситель. И чем больше слушал Евангелие Иоанн, тем больше понимал: Господь зовет нас быть милосердными, зовет нас нести чужие немощи, утешать чужое страдание. Быть милосердным самарянином для всякого, кто требует этого,

призывал каждого человека Христос. Но где найти в себе силы и способности помочь людям, Иоанн не знал. И вот однажды от одного странника, пришедшего с юга, он услышал о чудном целителе Кире, который ходит в монашеском рубище по селениям, проповедует Евангелие и исцеляет болезни.

— Я должен его увидеть! Вот он, настоящий милосердный самарянин! — сказал себе бывший воин и отправился в путь. Много пыльных дорог прошел он, во многих селениях искал Кира, и, наконец, на подходе к большой аравийской деревне, возле едва струящегося родника, встретил человека, который сидел и слушал журчание воды. И на глазах его были слезы.

— Господи, — шептал он, — сколько на свете страданий и слез, и нет сил утереть все эти слезы и утолить все страдания. Но я должен успеть к тем, кто ждет и зовет меня.

— Я пойду с тобой, — проговорил подошедший странник.

— Я ждал тебя, Иоанн, — промолвил Кир, — пойдем.

И они пошли вместе. Вместе молились на восходе, прославляя Бога, даровавшего

им еще один день Своего милосердия, вместе опускались на колени перед постелью больного, вместе засыпали на холодеющем к вечеру песке, чтобы идти завтра дальше навстречу новым слезам и страданиям, которые нужно остановить и утешить.

Однажды в некоем городке на границе с Египтом они встретили путника. Это был старый человек, изможденный долгим путем, глаза его были красны от слез.

— Что с тобой, странник? — спросили Кир и Иоанн.

— Я бегу из Египта, я — великий грешник, оставил свою госпожу и ее нежных дочерей в руках мучителей. Но что я мог поделать? Я не готов был идти на плаху, а спасти свою госпожу не мог.

— Как зовут твою госпожу?

— Имя ее — Афанасия, а дочерей ее зовут Феоктиста, Феодосия и Евдокия. И что это за дочери! Как они любят свою мать, как они нежно о ней заботятся! Старшей из них пятнадцать лет, а младшей одиннадцать. Я служил им верно с самого их рождения. Да что говорить — я нянчил еще и мою госпожу.

— Из какого ты города?

— Из Канопы.

— Мы идем туда, Иоанн, — сказал Кир.

— Да, мы должны там быть, — отозвался Иоанн.

Друзья пошли в Каноп, потому что поняли — они обязаны спасти эту женщину и ее дочерей. Но спасти не от физической смерти, а от гибели духовной, от отречения. Им ясно представилось, как трудно будет устоять матери, когда перед ее глазами станут мучить дочерей, как испугаются страданий и сами дочери, когда увидят пытки матери.

Все четверо были в темнице, когда Кир и Иоанн пришли в город Каноп. Подкупив стражей, странники пришли к Афанасии. Долго говорили они с ней. И дело было не только в том, о чем они говорили, но и в том, что одинокая измученная женщина ощутила — она не одна. Рядом с ней те, которые любят и поддерживают ее.

Когда спустя несколько часов Кир и Иоанн выходили из темницы, стражники преградили им путь. Они были схвачены и отведены к правителю города. Оба друга стали свидетелями страшных страданий Афанасии и ее дочерей. На глазах у целителей они были казнены. Но то, о чем болели сердцем Кир и Иоанн, исполнилось — ни чистые

девушки, ни их мать не отвернулись от своего вечного Жениха и взошли Ему навстречу с зажженными светильниками чистоты и верности.

А потом настал черед страдать и тем, кто многие годы стремился утолить чужие страдания. Кир и Иоанн были преданы пыткам, таким страшным, какие только могло измыслить тогдашнее грубое языческое воображение. Но Господь елеем Своей милости умягчал их муки, и в конце концов они были усечены мечом. Египетские христиане с честью похоронили всех шестерых — в одном гробе положили Кира и Иоанна, в другом — Афанасию и ее дочерей.

Души их взошли на небо, но не забыли земли. И по сей день они молятся о нас, утешают наши страдания и исцеляют болезни, если мы этого просим. Но больше всего хотят они от нас главного — верности, чистоты и милосердия.

Мученичество святых Фотия и Аникиты

Одним из жесточайших гонителей христианства был римский император Диоклетиан. В начале четвертого века, за

несколько лет до воцарения равноапостольного Константина, Римская империя была потрясена последней волной антихристианских гонений. Издыхающее язычество пыталось нанести новой вере последнюю и самую страшную рану. Жестокие расправы вершились на площадях многих городов могучей империи. Жуткие орудия пыток: клещи, факелы, колеса, котлы с расплавленным оловом, раскаленные печи — ужасали взгляды наблюдателей. Толпы людей собирались на эти жестокие зрелища, но нередко мучители терпели поражение, потому что в сердцах тех, кто пришел поглазеть на чужое страдание, пробуждалась вера. Праздные зрители внезапно сами исповедовали Христа Богом и принимали мученическую смерть. Конечно, палачи не хотели признать себя побежденными, ведь под их руками гибли без сопротивления слабые люди, но в глубине души они ужасались тому, какой мощной неземной силой дышит христианство. И страх просыпался в душах гонителей, и этот страх только умножал их злобу.

Одна из самых величественных трагедий этой эпохи разыгралась на площади многолюдной Никомидии. В конце жаркого

августовского дня 305 года небывалое пламя вознеслось над площадью. Там была сооружена гигантская печь. Ее размеры были поразительны, только гордыня римского имперского сознания могла измыслить такое строение. Но не менее удивительным было и то множество людей, которых палачи гнали в бушующее море огня. Люди шли без сопротивления, шли мирно. Они шли и молились.

— Господи, прими наши души в вечный покой Твой, — шептали их губы, опалемые огнем.

А возглавлял всю эту длинную вереницу человек в одежде римского воина. Несмотря на то что туника его была изорвана и окровавлена и никаких знаков отличия разглядеть было нельзя, а сам он был избит и измучен, в его фигуре запечатлелась какая-то властная значительность, и ясно было, что это человек высокого звания. А рядом с ним шел совсем еще юноша. Он был несколько похож на старшего друга, ведь приходился ему племянником. Звали их Аникита и Фотий.

Они шли впереди, потому что их мужество в страданиях вселило смелость во всех остальных. Они вели эту вереницу за

собой — не навстречу губительному огню, а навстречу вечному радостному свету.

Позади у Аникиты был день тяжелейших мучений. Что только не вытерпел славный воин: все орудия казни были испытаны на нем. Но силы не покинули мученика. А Фотий с утра стоял, смешавшись с толпой, и наблюдал, ужасаясь, за тем, что происходило с его родственником. Страх владел им. Христианская вера, в которой наставлял его Аникита, давно уже дала ростки в его душе, но выйти на площадь, отдать себя в руки палачей — он не был готов. И в какое-то мгновение, когда очередной раз его взгляд остановился на измученном страдальце, он хотел бежать с площади, спрятаться как можно дальше и позабыть про все. Но тут он увидел внезапно лицо Аникиты. Улыбка светилась на этом лице, глаза сияли. И Фотий шагнул вперед.

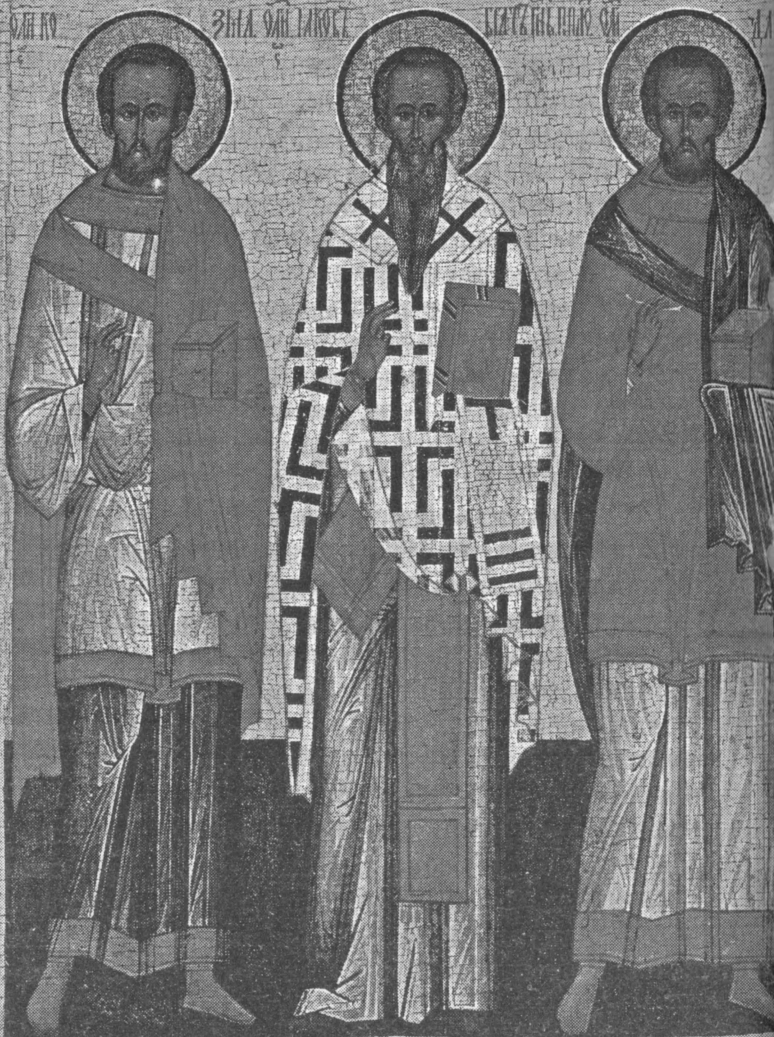
— Христос — истинный Бог, — зазвенел его юношеский голос, — а ваши боги ничто. — И тут же был схвачен и принял муки.

Вслед за ним загудела толпа. Один, другой, третий именовали Христа своим Богом и выходили на середину площади. И уже

не единицы, а сотни людей стояли перед палачами. Река людей текла к океану вечности. Для них уготована была печь, и они шли в ее прожорливое пламя, шли и молились, шли вслед за непобедимым Аникитой и его племянником Фотием, победившим страх. Входя в огонь, они входили в жизнь вечную. Бушующее пламя огромной печи превращалось у них на глазах в светлое сияние небесных чертогов, где ждал своих верных детей все милостивый Спаситель.

СВЯТЫЕ КОСМА И ДАМИАН

С давних веков все христианские народы почитают святых Косму и Дамиана. Известны они на Западе и на Востоке. В Москве две замечательные церкви (одна — в Столешниковом переулке, другая — на Маросейке) посвящены их памяти. В Крыму среди лесистых гор бьет чудотворный источник, названный их именем, а подле него возрождается закрытый в советское время монастырь святых Космы и Дамиана. Да и по всей России построено множество церквей во имя этих святых, а на карте нашей страны можно найти немало сел, названных их именами. В русском народе

всегда любили и почитали Косму и Дамиана. Особенно усердно молились им крестьяне и часто называли своих детей в честь святых — Кузьмой или Демьяном. В простоте сердца считал крестьянский люд, что святой Косма помогает в кузнечном деле (ведь русское звучание этого имени напоминало слово «кузнец»), просили наши предки помощи у этих святых и в жаркие летние дни сбора урожая, и когда заболела скотина, и, конечно, когда горький недуг посещал их самих. О Косме и Дамиане сложены были духовные стихи и легенды. Русский крестьянин чувствовал близость этих двух целителей, казалось ему, что они незримо посещают поля, заглядывают в избы, благословляют кузницы и освящают своим духовным присутствием весь нехитрый, но многотрудный крестьянский быт.

Но парадокс в том, что, обращаясь к этим святым в искренней молитве, русский простолудин на самом деле не знал точно, к каким из святых он обращается. Ведь история Церкви знает три пары святых с именами Косма и Дамиан. Одни приняли мученичество в Киликии (память их 17 октября по старому стилю), другие жили в Азии и там мирно скончались (их празд-

нование — 1 ноября), третьи погибли от рук завистника в Риме (память — 1 июля). Но, не зная точного адресата своей молитвы, русский крестьянин просто и ясно верил, что святые слышат и любят его, видят всю многоскорбную жизнь сельского труженика и взывают к Богу о милосердии. И Бог слышит их.

Скептикам последних веков приходило порой в голову, что здесь какая-то ошибка, подделка и даже неправда. Но церковная традиция как на Востоке, так и на Западе четко разделяет эти три пары. Перед нами тайна имени. Люди сходной судьбы, близкие по внутреннему устройению, оказываются и соименными. Известны исследования этого вопроса священником Павлом Флоренским. Он не успел довести до конца свои разыскания, но был глубоко уверен в том, что имя несет в себе великую духовную силу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что люди, имеющие одинаковые имена, идут близкими, духовно родственными путями, как шли схожими дорогами и Косма с Дамианом из Асии, и соименные им мученики из Аравии, и римские Косма и Дамиан.

Все три пары жили в третьем — четвертом веках нашей эры, и все они были

безмездными врачами и проповедниками христианской веры. Как и для Кира и Иоанна, для них исцеление тела было неразрывно связано с духовным возрождением личности. Не просто здоровье хотели они дать тем, кто встречался им на жизненном пути, а внутренние силы для вечной жизни, для Царства Небесного.

* * *

Об Аравийских Косме и Дамиане существуют лишь самые скудные сведения. Они странствовали по многим городам и весям, исцеляли и обращали в христианскую веру, пока не вошли в пределы Римской империи, где в городе Киликия были схвачены. Их многими пытками принуждали отречься от Спасителя, но они остались верны своему Богу и были усечены мечом.

* * *

О жизни Космы и Дамиана Асийских сохранилось несколько больше сведений. Кстати говоря, обе московские церкви посвящены именно их памяти. Они были братьями и родились в семье язычника и христианки Феодотии, которая при муже

не могла открыто исповедовать Христа и воспитывать своих сыновей в христианстве, ведь жили они во времена, неблагоприятные для новой веры. Но преждевременная смерть мужа дала возможность Феодотии исполнить то, что было глубочайшим стремлением ее сердца. Она не думала о новом замужестве и все силы своей души направила на молитвенное воспитание своих детей. Мать вдохнула в души детей то тепло веры, которое тщательно хранила рядом с иноверным мужем, окруженная враждебным языческим миром.

Братья на всю жизнь сохранили этот главный духовный дар, завещанный им матерью, — дар живой веры. И вера звала их служить миру, идти к измученным людям, облегчить их страдания и открыть им радостную правду о воскресшем Спасителе. И они шли и исцеляли. Тем, кто выздоравливал, Косма и Дамиан говорили:

— Не лекарствами и травами, не искусством Гиппократов, но силой Иисуса Христа мы вас исцелили. Веруйте Ему, чтобы не впасть в новые недуги. — И до многих сердец доходили эти слова.

Братья жалели не только людей, но и животных. Ведь они знали — вся тварь без

вины страдает вслед за людьми. Известно, например, что ими был исцелен от бешенства верблюд.

Братья всегда были вместе. Их сердца бились в унисон, они шли одним путем. Еще в молодости они торжественно обещали друг другу никогда не брать плату за свое врачебное искусство. Ведь они не сами, но силой Божией врачуют людей, а какими деньгами можно оценить эту силу? Но однажды (было это уже в последние годы их жизни) Дамиан исцелил женщину Палладию, болевшую не один десяток лет. Она так долго страдала, так много средств и сил израсходовала на поиски врачей, что, когда исцелилась, непременно хотела отблагодарить своего целителя. Она предложила ему деньги, драгоценности, богатую одежду.

— Мы с братом никогда ничего не берем за лечение, ведь это не наши руки, а десница Христова исцеляет через нас людей, — говорил Дамиан.

Но женщина не хотела остаться неблагодарной.

— Прими от меня хотя бы эти три яйца как знак, как символ, в честь Единосущной Троицы, — заклинала она. И Дамиан, не желая огорчить Палладию, принял.

Многолетняя братская дружба оказалась под угрозой. Когда Косма узнал, что брат его взял в благодарность за исцеление яйца, то расценил это как нарушение их обета, как нарушение заповеди Христовой: «Даром получили — даром давайте». Так до конца жизни и не смог Косма принять Дамиана в общение и, даже умирая, завещал, чтобы их могилы были в разных местах. А когда вскоре скончался и Дамиан, его действительно намеревались похоронить отдельно, но все-таки братья оказались в одной могиле. Почему не исполнено было завещание Космы?

Предание сообщает, что во время похорон Дамиана прибежал откуда-то верблюд, тот самый, которого исцелили некогда безмездные врачи, и человеческим голосом изрек Божие повеление о том, чтобы лежать братьям вместе. Таким образом всем друзьям и почитателям святых братьев стало очевидно, что Косма и Дамиан соединились у Бога, и теперь уже никакие земные недопонимания и ошибки не разделят их.

Случай этот поучителен. Конечно, печально, что даже святые братья могут не понять друг друга и после долгих лет общего служения разойтись в разные стороны. Но, видимо, святость не всегда означает

безгрешность и безошибочность — всякий человек может впасть в заблуждение. Святость — это твердое и решительное стремление к Богу, это жажда Духа Святого, в ответ на которую Дух приходит, и освящает, и прощает ошибки.

* * *

К счастью, таких разделений не испытывали другие Косма и Дамиан. Они тоже были братьями и жили в предместье Рима, в скромной усадьбе, доставшейся им после смерти родителей. Не только эту усадьбу, но и драгоценную христианскую веру получили они в наследство от отца с матерью. И делить это наследство им не понадобилось. Они исповедовали единого Господа, вместе молились, вместе и жили в небольшом доме, ступени которого спускались в оливковый сад. Сюда приходили к ним те, кто просил о помощи, отсюда уходили сами Косма и Дамиан искать тех, кто этой помощи не просил, но в ней нуждался.

В конце третьего века, в царствование императора Карина, началось одно из последних гонений на христиан. Друзья и почитатели святых врачей убеждали их укрыться от гонителей, ведь они могли

принести еще много пользы больным и страдающим. С тяжелым сердцем покинули братья родную усадьбу и оливковый сад. Но вскоре узнали, что вместо них схвачены их друзья. Судья требовал, чтобы знаменитые врачи-христиане, многих обратившие в гонимую веру, явились к нему, иначе заложникам угрожала смерть. Эта весть заставила Косму и Дамиана как можно быстрее прийти в Рим. Заложники были отпущены, а братьев ждали тяжелые пытки. Пройдя самые изощренные мучения, сохранив мужество, они настолько поразили судью, что тот отпустил их. Но избежав одной мученической кончины, они приняли иную.

Косма и Дамиан жили все в той же усадьбе, поток больных не иссякал. И часто под сенью олив горестный плач переходил в радостные крики благодарности, потому что самые безнадежные больные получали исцеления. Но врачи-язычники, как было это и с целителем Пантелеимоном, позавидовали опасным конкурентам. И одного из них зависть и жадность довели до того, что он совершил убийство. Недалеко от оливкового сада, там, где тропинка уходила меж двух холмов к каменистому взгорью, он убил камнем сначала одного брата, а потом другого.

Тихо легли они один подле другого. Но, может быть, они были даже счастливы, что погибли почти одновременно. Ведь это значит, что смерть не разлучила их. И как жили они вместе, так и погибли одной смертью.

Иногда на летнем небе над цветущими июльскими полями можно увидеть маленькие легкие облачка. Они плывут на горизонте ровными рядами и напоминают небесные лодки, совсем небольшие лодки, где могут уместиться только два человека. И кажется тогда, что на этих облачках-лодках стоят попарно святые. Кто знает, может быть, это не просто фантазия, но и в самом деле плывут на них святые Кир и Иоанн, Фотий и Аникита, и те Косма и Дамиан, что пострадали в Киликии, и те, что разошлись на земле, чтобы окончательно сойтись на небе, и те, погибшие от рук завистника в предместье Рима. Они плывут на этих облаках и глядят на нашу измученную, но прекрасную землю, они говорят нам:

— Не бойтесь, только веруйте! Мы с вами, мы видим и любим вас, и ваши заботы и тревоженья близки нашему сердцу. Призовите нас — и мы откликнемся и придем на помощь, потому что этого хочет наш Небесный Отец.

СВЯТОЙ САМПСОН СТРАННОПРИИМЕЦ

Миновали страшные времена гонений на христиан. У ворот Европы вознесся второй Рим — Константинополь, Царьград, который обрел особое великолепие при императоре Юстиниане в начале шестого века. В то время уже трудно было представить, что некогда царские чиновники требовали от христиан отречения от своей веры. Теперь христианство торжествовало. Имя Христово звучало и в палатах аристократов, и в домах бедняков. Крест осенял площади всех городов империи. Величественные храмы возводились там, где за двести лет до этого лилась кровь мучеников. Поэты составляли гимны тем, кто страдал за Христа, художники рисовали их образы.

Но не внешнее великолепие строений и не обилие крестов на куполах составляет подлинную суть христианства. Ведь нет ничего страшнее, когда и те, кто строит храмы и возносит кресты, и те, кто входит потом под своды этих храмов, не идут вслед за Спасителем, взяв свой собственный крест. А так нередко бывало и в великой христианской империи Юстиниана, и в иных державах, изобразивших крест на

своих гербах и знаменах. Но живет и сияет христианство теми, кто пошел за Христом, как шли, оставив дома и семьи, апостолы, обрекая себя на нищенское странствие по пыльным дорогам Палестины.

В величественном Царьграде во времена Юстиниана, когда вознесла к небу свои купола Святая София, когда отстроены были многие другие храмы и дворцы, в одном из узких бедных переулков стоял двухэтажный дом. Владельцем его был приехавший откуда-то издалека немолодой уже человек по имени Сампсон. Соседи по улице относились к нему с подозрением, потому что был он с виду почти нищий, а купил не такой уж и маленький дом, а главное — вечно таскал в этот дом всяких оборванцев и бездомных. И было им невдомек, что этот странный человек хранил в себе сокровище настоящей веры. Он и был одним из тех, кем в то время более, чем величественными храмами и пышными торжествами, жила и крепла вера в распятого и воскресшего Спасителя.

Родился Сампсон в прежней столице великой империи, Риме, который к шестому веку уже утратил былую силу. Многократно разрушенный, Рим стал городом-

мучеником, а не триумфатором и победителем. Сампсон родился в богатой семье, получил хорошее образование и с юности стал врачом. У него не было недостатка в пациентах, потому что всякий, кто приходил к нему, ощущал тепло сердечного сочувствия, сострадания, которым богата была его душа. Зная очень хорошо все средства медицины того времени, Сампсон прекрасно сознавал и всю немощь человеческой науки. Многократно сталкивался он с тем, что лекарства не помогали, болезнь разрушала человека, а он оставался бессилён, навлекая на себя лишь недовольство и даже гнев больных и их родственников. Нередко приходилось испытывать ему горчайшие минуты. Тогда он уходил в крошечную комнату, где теплились светильники перед заветным образом Спасителя. Сампсон изливал свою скорбь перед Тем, Кто взял на Себя наши болезни, Кто пришел в этот мир, чтобы исцелять и воскрешать.

— Помоги творению Твоему, Господи, пусть утихнет боль и отступит болезнь, ибо страшно и больно видеть моему сердцу страдание человеческое, — молился Сампсон, а потом возвращался к больным, предлагал очередное лекарство, печалясь, что

и оно, скорее всего, не поможет, но уповая на помощь Божию, — и больной через несколько дней являлся к нему счастливый и благодарный за возвращенное здоровье.

Со временем Сампсон ясно осознал, что сила Божия действует через него. Не снадобья и отвары, а Христова любовь исцеляет приходящих к нему. Он продолжал готовить лекарства, составлять мази и микстуры, но верил только в одно: в милосердие Спасителя, Который и ныне так же исцеляет недуги людей, как делал Он это когда-то у берегов Генисаретского озера и в галилейских селениях.

С годами он перестал брать плату с больных, потому что Сампсон, подобно святым Косме и Дамиану, понимал — нельзя брать деньги за то, что совершаешь не ты, а Бог. Это святотатство. Люди стали судачить об этом. Одни прославляли Сампсона, другие подозревали тут что-то нечистое и обвиняли в колдовстве. И вот однажды он продал свою богатую виллу, оставшуюся ему после смерти родителей, потом отправился в самые бедные кварталы Рима и долго бродил, тайно оставляя мешочки с монетами на подоконниках нищенских хижин. А вскоре и вовсе пропал.

Ни история, ни предание не сохранили сведений о том, какими дорогами великой империи ходил он и где обретал пристанище в течение нескольких лет. Скорее всего, внутренний голос увел его прочь от жилищ человеческих. В таинственном одиночестве он учился непрестанному общению с Богом. А когда молитва потекла живой струей в его сердце, он заплакал о людях, которым нужны помощь и сострадание. И Сампсон отправился туда, где скорбящему подчас бывает труднее всего найти сострадание, в самый большой город империи, в славную столицу Юстиниана.

На сохраненные от прежнего богатства средства он купил дом. Каждое утро ходил он по улицам Константинополя, по самым забытым и грязным переулкам огромного города, и выискивал тех, кто потерял надежду, кто остался одинок в своем страдании. Сампсон приводил их к себе, лечил и покоил. Он возлагал на них мази и поил их отварами, а втайне молился:

— Господи, я знаю, что все эти средства только игрушки в наших руках. Как дети, играющие во врачей, мажут друг друга мокрым песком, так и мы выдумываем свои снадобья, но исцеляешь только

Ты. Исцели же и ныне этих страдающих людей!

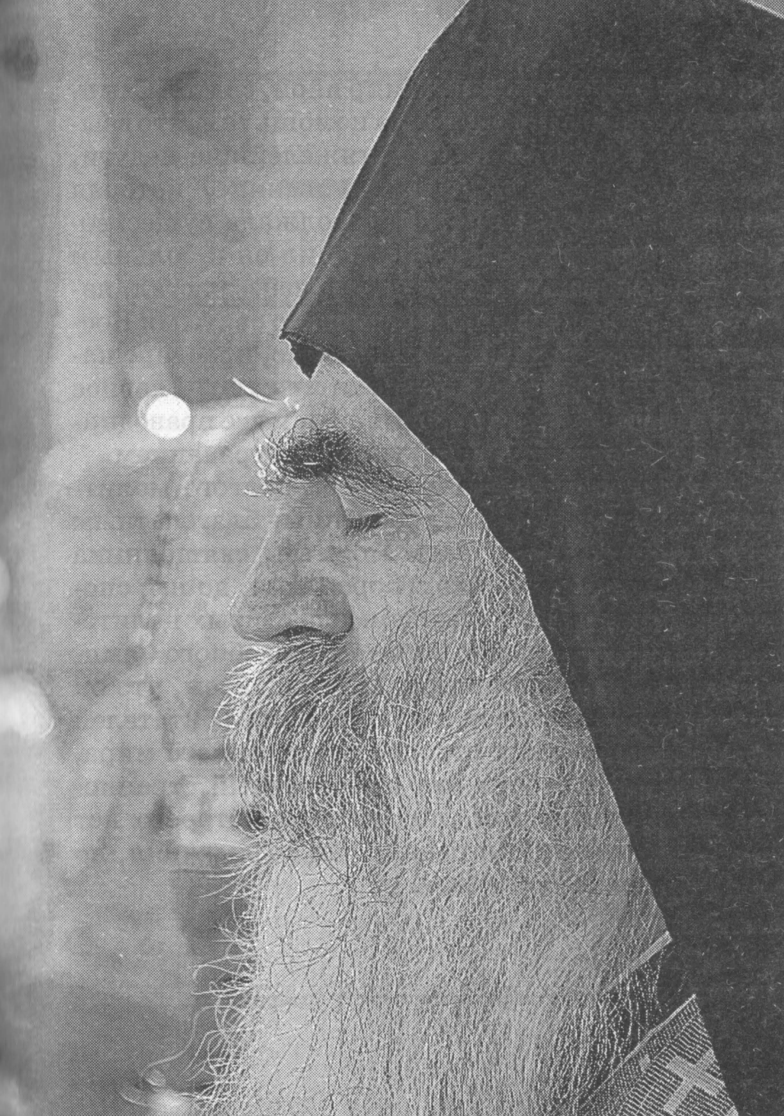
Но часто, обходя комнаты своего странноприимного дома, он с печалью вспоминал всех тех, кого не смог привести сюда, потому что дом был переполнен. Он видел их просящие глаза, всем сердцем ощущал их страдание, хотел помочь, но не мог. И тогда, стоя перед престолом Божиим в маленькой церковке, что была неподалеку от его дома (ведь был он в те годы рукоположен во священники), и вознося освященные Дары, поминал всех, кого не мог упокоить, и просил Спасителя о заступлении и помощи.

И помощь была дана. Великий император заболел. Болезнь была не смертельна, но мучительна. Конечно же, лучшие врачи лечили василевса, однако безрезультатно. Сохранилось предание, что в те дни, когда болезнь особенно донимала Юстиниана и никто не мог облегчить его страдания, он увидел сон. Во сне стояло перед ним множество людей, они озабоченно совещались о чем-то. Он понял, что это врачи. Но взгляд его остановился на тихом седом человеке в священнической одежде, который стоял несколько поодаль и мало принимал

участия во всеобщей суете. И голос сказал: «Он поможет тебе». Когда после долгих поисков Сампсон был приведен к императору, тот сразу узнал в нем тихого седого человека из своего сна. И в самом деле, император был избавлен от мучений и хотел осыпать своего целителя золотом, но Сампсон отвечал, что дал обет Богу не брать ничего за лечение. Император продолжал настаивать, и тогда врач попросил Юстиниана выстроить ему большой дом, где могли бы находить упокоение сотни людей, и дать ему средства на его содержание.

Так исполнилось благое желание Сампсона. Было воздвигнуто новое здание, которое украсило Константинополь не столько величественным видом, сколько сиянием сострадающей любви, которая жила и действовала в его стенах.

Сампсон прожил до самой глубокой старости, трудясь в своем новом странно-приимном доме. Он сумел утолить многие скорби, излечить многие болезни и умер тихо, как будто просто прилег, потерявши силы. И за несколько часов до смерти лицо его осветилось сиянием. Его посетила та Любовь, лучами Которой согревал он всю свою жизнь чужие души.

Даже и перейдя в мир иной, святой Сампсон не раз приходил на помощь тем, кто взывал к нему. Исцелял тяжелейшие недуги, заботился о странноприимнице, которая и после его смерти продолжала существовать. Бывало, что приходил он к больным не один, а с теми, кому на небесах стал, наверное, особенно близок — со святыми Космой и Дамианом. Неизвестно, правда, с какими из них, но разве это важно? Главное то, что святой Сампсон, как и все праведники, — рядом с нами своим состраданием.

И когда, усталые после долгого молитвенного стояния, умащенные благодатным елеем, мы слушаем молитвы священника в конце Таинства соборования, до нас снова и снова доносятся имена святых целителей, а среди них и имя преподобного Сампсона Странноприимца. И мы знаем, что он видит и жалеет нас, одиноких обитателей многолюдных городов современного мира, и хочет ввести нас в тот вечный странноприимный дом, под кровом которого нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.

Часть вторая

**СВЯТЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ
ПОСЛЕДНИХ
ВЕКОВ**

Блаженная Ксения

Много лет назад один недоучившийся студент из Москвы со своей молоденькой женой жил несколько дней в Петербурге. Гулял по набережным, смотрел на свинцовые воды Невы, читал стихи старых поэтов и сам кое-что сочинял. Хорошо, одним словом, жил. Но отчего-то часто накатывала на него ужасная тоска. Хотя и жена была очаровательна и любима, и город был красив, и в жизни не было ни в чем недостатка. Случалось, студент просыпался среди ночи от непонятного страха, а с утра хмуро глядел на прекрасный город за окном, и дорога жизни казалась ему слишком опасной и трудной. И вот однажды пошли они с женой гулять по Васильевскому острову, добрались по Среднему проспекту до двадцать какой-то линии, свернули направо, прошли переулочек и неожиданно оказались перед кладбищем.

Меланхоличный студент любил задумчивую тишину кладбищ, вот и сейчас потянул туда за собой свою жену. Они оказались среди старинных могил, могучих лип, которые уже больше ста лет росли между крестов и оград. Тихая небольшая речка заворачивала в таинственно склонившуюся над ней зелень и терялась в этой изумрудной мгле. А чуть левее можно было различить небольшое голубеющее здание. Подойдя к нему, студент увидел, что это часовня. Возле ее стены стоял на высоких ножках длинный железный ящик с песком, и в этом ящике во множестве горели свечи. Им было так тесно, что они оплывали и падали от жара гораздо раньше отмеренного им срока. Воск таял на глазах и плакал желтоватыми слезами. А рядом с часовней стояла женщина в черном. Она шептала что-то и тоже плакала. И студент понял: женщина эта обращается к кому-то с молитвой. Он отчего-то очень позавидовал этой женщине. Да, конечно, у нее горе, она тоскует, но свое горе она преображает в молитву. Она может молиться. И в это мгновение студент в глубине души понял, отчего ему бывает порой так тоскливо и хмуро. Оттого, что он не знает, кому и как молиться.

Душа его тоскует по небу, но не может нащупать ступеньку, с которой начинается путь туда. Много позже, вспоминая эти минуты, он понял, что именно здесь, у часовни, какая-то пелена начала спадать с духовных очей его души.

А спустя год или немногим больше студент крестился. Стала ходить в церковь и его жена. И январским воскресным утром родилась у них первая дочка. Они думали назвать ее Ниной, но священник, крестивший девочку, предложил дать ей имя Ксения. И это имя легло на сердце родителям. С тех пор тот студент часто молился блаженной Ксении, в честь которой названа была его дочка, и чувствовал заботливое участие блаженной в судьбе его семьи. И конечно, он благодарно помнил ту часовню на петербургском кладбище, воздвигнутую над могилой рабы Божией Ксении, о которой в первый свой приезд он ровным счетом ничего не знал.

Конечно, спустя годы он много раз читал книги о блаженной. Узнал о подробностях ее жизни, ее посмертных чудесах. И стало ясно студенту, что блаженная Ксения — это одно постоянное Божие чудо. Чудом была вся ее жизнь, чудом стало ее

посмертное присутствие в жизни тех, кто призывает ее имя.

...Жила она в восемнадцатом веке в отстроенной на европейский манер новой столице великой империи. Бездомная и странноватая нищенка, которая оставила свой дом в двадцать шесть лет, после смерти мужа, менее всего подходила к стройным улицам Петербурга, его величественным дворцам и храмам. Она бродила по этому пышному городу наперекор его каретам и мундирам, табелям о рангах и философским идеям века Просвещения. Это было долгое странствование. Длилось оно сорок пять лет. Сорок пять лет мимо петербургских лавок и дворигов с плачущими на руках у нянек детьми, мимо рыночных лотков и саней извозчиков проходила нищая странница. Она звалась Андреем Федоровичем по имени своего покойного мужа и носила его мундир придворного певчего до той поры, пока он совсем не истлел.

Там, где она проходила, совершались чудеса: больные дети засыпали здоровым сном, у неудачливых торговцев поправлялись дела, пожары потухали, безутешные вдовцы вступали в новый счастливый брак,

бездетные получали детей. Отчего происходило это? Отчего веяло радостной милостью там, где проходила нищая странница в полуистлевшей одежде? Потому что она знала, Кому и как молиться. И молитва была для нее пищей, и сном, и одеждой.

Однажды полицейские решили выяснить, что она делает ночью. За блаженной была устроена слежка. После наступления темноты, побродив по заснеженным переулкам, блаженная Ксения отправилась к окраине города. Она шла быстро, и полицейский-соглядатай едва поспевал за нищенкой. И вот уже застава, за которой бесконечный белый пустырь. С замерзшего Финского залива тянет пронзительным ветром, звезды яснеют сквозь ледяные облака, а странница в дырявой кофте идет по глубокому снегу и становится на колени посреди белого безмолвия. Уже давно ушел, не выдержав, соглядатай, уже луна опустилась за кромку леса на востоке, а она все еще воздевала руки к замерзшим звездам. И ветер трепал зеленоватую кофту, из-под белого платка выбивались седые волосы.

«Не делайте никому зла. Враги и злоба людская мучают меня, заставляют меня страдать», — говорила блаженная Ксения.

Она плакала о том зле, которое творится среди людей, и верила, что милостивый Отец может простить и направить к добру всякого, в чьем сердце осталась еще искра тепла. Об этом тепле, чтобы не остывало оно в мире, и молилась Ксения на пустыре под пронзительным ветром, утопая в колющем снегу.

Мы не знаем, как и отчего она скончалась. Скорее всего, нашли ее бледным петербургским утром на том самом пустыре, где она любила молиться. Ее окоченевшие руки были сложены для крестного знамения, а на лице застыла тихая улыбка узнавания. Душа ее, покинув замерзшее тело, узнала Того, Кому молилась.

«Люби ближних своих. Когда я вижу доброго человека, я радуюсь больше всего, и нет мне другой радости», — вот что еще говорила блаженная Ксения. Радость сочувствия, радость участия в чужой судьбе наполняла ее сердце в течение всей жизни. Это сочувствие и участие стали главным делом блаженной по отношению к нам с тех пор, как она окончила свое странствие по улицам Петербурга.

Вслед за милостивыми целителями древности блаженная Ксения стала исцелять

и спасти от смертельных недугов. Опишем только несколько случаев таких исцелений.

Еще в царское время, задолго до прославления блаженной (а произошло оно в 1988 году), один офицер стал очень болен ногами и до того запустил свою болезнь, что врачи отказались его лечить. Однажды, будучи в Петербурге и страдая от своего недуга, он отправился на Смоленское кладбище. Не доехав полверсты, больной решил оставить коляску и пойти пешком. Этим малым подвигом хотелось ему выразить свое почтение к усопшей блаженной. С огромным трудом и болью в течение часа офицер добрался до часовни в тот момент, когда там служилась последняя панихида. Возле могилы Ксении было только несколько человек. Песнопения панихиды пронзили своей светлой грустью сердце больного. Он стоял на коленях и плакал до самого конца службы. Когда затихли последние молитвы, он с болью поднялся и подошел к священнику. Вместе они пошли к выходу. Батюшка принялся рассказывать офицеру о многих чудесах на могиле Ксении, и за рассказами дошли они до коляски. Извозчик дремал на облучке, пофыркивала лошадь, а больной ногами офицер только сейчас опомнился. Все это время, слушая

священника, он шел совершенно спокойно, без всякой боли, и на путь потратили они не больше четверти часа. С тех пор болезнь ног к нему не возвращалась.

Конечно, лучше всего знали о Ксении люди бедные и простые. В богатых семьях больше рассчитывали на иностранных докторов и дорогие лекарства, но и к ним порой приходила чудесная помощь блаженной. В одном аристократическом петербургском доме разболелась дочка хозяина. Она сгорала от жара, и в конце концов у нее возник огромный нарыв в ухе. Врачи постановили, что нужно пробить барабанную перепонку и таким образом проткнуть нарыв и дать выйти гною. Но при этом девочка навсегда останется глухой на одно ухо. В противном же случае ей могла грозить смерть от заражения крови. Операция была назначена на третий день после консилиума известных врачей. Мать, ломая руки, согласилась и стала ждать. Девочка страдала от страшной боли, но доктора считали, что сейчас оперировать еще рано.

Во все время болезни от страдальцы не отходила ее верная няня. Старушка плакала и молилась перед образом Пречистой,

крестила горячий лобик и воспаленное ухо девочки и наконец обратилась к ее матери: «Барыня, позвольте съездить на Смоленское кладбище».

Когда няня уехала, девочка как-то сразу затихла и вскоре заснула. Несколько часов старушки не было. Наконец она вернулась. У нее в руках был крошечный сверток — земля с могилы блаженной и пузырек масла из лампады. В душе теплилась надежда. Ведь всю дорогу на Васильевский остров и обратно няня просила матушку Ксению помочь страдающей девочке.

Няня положила под подушку сверточек с землей, коснулась маслом воспаленного уха. Больная чуть вздрогнула, но не проснулась.

Сон продолжался до следующего дня. Так долго она давно уже не спала. Пришли врачи, собираясь делать операцию, но девочка спала. Им налили чая, заняли для приличия светской беседой, но девочка спала. Уже пробило два, приближалось обеденное время, но больная не просыпалась. Наконец один из врачей решительно подошел к девочке, приподнял ее и тут же увидел, что нарыв прорвался. Девочка была спасена и больше не нуждалась в операции.

Наступили советские годы, годы воинствующего атеизма и трагических гонений на Церковь. Но к часовне шли и шли люди. И кухарки, которые теперь призваны были управлять государством, и жены видных партийцев, и поэты, такие, например, как сочинитель странных, почти юродивых стихов Даниил Хармс, и, конечно, самые обыкновенные простые люди. Ленинградцы так любили блаженную, что большевики долго не решались закрыть часовню, и только в 1940 году двери ее были заключены. Но все равно во все страшные дни блокады у ее стен теплились свечи и лились слезы. А в конце войны часовня была вновь открыта, и волны матерей и жен хлынули к блаженной страннице. Они прижимались к ее надгробию, молились о своих погибших сыновьях и мужьях и слышали в глубине сердца:

«Не скорбите, дети мои, милостив Господь и многомилостив, принял он ваших родных в селения вечные. Им хорошо...»

В годы хрущевских гонений часовню опять закрыли. Там пытались устроить скульптурную мастерскую, изготавливать бюсты Ильича для вестибюлей официальных зданий. Но в народе говорили, что

производство не клеилось. Вечно были какие-то накладки. То все уже готовые скульптуры вождя оказывались перебиты, то мастера отливали бюст такой величины, что вытащить его сквозь небольшую дверку часовни не представлялось возможным. А на самой заре перестройки часовню отдали верующим.

Разбитый пол, стены с облетевшей краской, потемневший потолок встретили первых молитвенников, но что им было до того, когда они опять могли прикоснуться к земле, под которой лежит прах блаженной. Снова горели свечи и шепот молитв шелестел над кладбищем. Сложенные вчетверо записочки подсовывались под гробницу Ксении или под стену часовни. А в записочках — бесчисленные просьбы: «Ксеньюшка, помоги, исцели, устрой». И несмотря на то что записок каждый день скапливалась не одна сотня, блаженная никого не оставляла без своего участия. Ведь еще до того, как рука просителя выводила поспешным почерком свою просьбу, ее сердце уже прекрасно знало, о чем горюет эта душа. И конечно, она по сей день принимает эти записки с тихим и ласковым вниманием и даже сама приходит на кладбище, чтобы взять их.

Одной женщине угрожала серьезная опасность. В это время она была проездом в Петербурге и, подробно изложив на бумаге все свои трудности, поспешила на Смоленское кладбище. Но было слишком поздно. Ворота уже закрылись. Сторож покуривал, сидя в отдалении на лавочке, и знать не хотел никаких опоздавших. Женщина сжимала в руках свою записку. Она должна была положить ее под самую гробницу блаженной Ксении. Только тогда, считала женщина, святая услышит, придет, поможет. Но это невозможно, а завтра рано утром поезд. В отчаянии она присела на скамейку возле ворот и уткнула заплаканное лицо в ладони.

— Это не твое, дочка? — услышала она голос. Перед ней стояла старушка в выцветшей кофте, с пронзительными глубокими глазами, в руках она держала упавшую на землю записку.

— Мое, только теперь уже поздно, я хотела передать ее Ксении, но не успела, — быстро заговорила женщина.

— Я отдам ей, милая моя, не горюй, обязательно отдам, — ответила старушка и стала медленно уходить в сторону кладбища и незаметно исчезла, словно слилась

с сероватым сумраком городского вечера. И на душе у женщины стало отчего-то так от-
радно, так тихо, словно случилось что-то хо-
рошее. А потом все трудности разрешились,
и однажды той женщине попался один ред-
кий портрет блаженной. Та самая старушка
в выцветшей кофте пронзительными глубо-
кими глазами смотрела на нее с портрета.

С тех пор как часовня вновь открылась,
священники, служащие при ней, получа-
ют множество писем. Это письма-просьбы
и письма-благодарности. Потому что Ксения
продолжает исцелять и помогать людям.

Вот молодая женщина из Рязани забо-
левают непонятной болезнью. Пища стано-
вится ей отвратительна, мучает тошнота.
Врачи не могут поставить диагноз. За не-
сколько месяцев она теряет пятнадцать ки-
лограммов. Силы истощаются. К тому же
начинают мучить страшные боли в печени.
Подступает смерть. И тут ей попадает
в руки небольшая брошюрка о блаженной.
Она читает. Прикосновение теплой радости
согревает сердце, и слезы текут, и сквозь
слезы она шепчет:

— Ксения, вот я умираю. А у меня дочь.
Как она без меня? И мама у меня старая.
Помоги. — И тут же боль отступает.

Медленно, но неуклонно приходит выздоровление.

А вот пожилая женщина из далекого от Петербурга Краснодарского края. У нее была тяжелая травма колена. Требовалась сложная операция. Но она боялась. «Это не для моих лет и состояния здоровья», — думала женщина. Долго она откладывала операцию, но однажды увидела во сне святую Ксению. Женщине запомнилась зеленая кофта и белый-белый платочек блаженной. Святая ласково коснулась больного колена женщины и спросила:

— Почему ты не делаешь операцию? Не бойся, все будет хорошо, — и она улыбнулась и ушла.

Вскоре больная была прооперирована, и врачи удивлялись, насколько безболезненно и легко прошла операция.

* * *

...Лет через двадцать после своего первого приезда тот самый недоучившийся студент (уже, правда, не студент, а преподаватель), который завидовал когда-то плакавшей у часовни женщине, приехал со своей почти взрослой дочкой на Смоленское кладбище. Хмурилось холодное

апрельское утро, и черные голые ветки лип кривились на фоне бледно-серого унылого неба. Накрапывал мелкий дождик. Но как светло и ласково было в церкви на ранней Литургии! Какой тишиной легли на сердце Святые Таины! После Литургии отец с дочкой пришли к гробнице блаженной, а потом поставили свечки в длинный железный ящик на высоких ножках. И бывший студент, немного конфузясь, засунул за этот ящик записку. В ней он просил блаженную Ксению о своих детях, которых стало у него к тому времени уже пятеро, и просьб накопилось немало. Почти совсем взрослая дочка ласково жалась к плечу отца. И было ему хорошо и тепло на душе, несмотря на дождик, смешанный со снегом, и леденящий ветерок. И верилось, что святая услышит. Кое-где между оград и надгробий лежали островки снега, зима не спешила покидать Васильевский остров, но все равно впереди была весна. Впереди была Пасха. И таинственная дорога жизни казалась не такой уж и трудной, потому что рядом с нами незримо и бесшумно идут святые, их бесплотные руки поддерживают и сохраняют нас, направляя к той заветной черте, за которой начинается лестница в небо.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Никогда не забыть начало девяностых годов. Конечно, разруха, неустойчивость, пустота. И улицы пусты, и кошельки, и прилавки магазинов. Но в душе — дивное дыхание духовной свободы. Тогда-то многие из нас впервые узнали, что такое молитва. В первый раз стали мы произносить эти странные древние слова, стоя перед маленькими бумажными иконками, которые еще как-то некуда было приткнуть в облезлых квартирках городских многоэтажек.

И наверное, почти всякий из нас среди других дешевеньких икон, купленных в только что открытом и еще полуразрушенном храме, обязательно ставил перед собой образ преподобного Серафима. И с особенным чувством произносил его имя. Почему? Чем притягивал нас этот монах, подвизавшийся в провинциальном монастыре в начале девятнадцатого века?

Конечно, мы прочли его житие, узнали о его молитвенных подвигах и чудесах. Но ведь и другие святые были великими подвижниками и творили чудеса. И только преподобный Серафим Саровский задел в наших сердцах какую-то самую важную,

самую драгоценную струну. Он вступил к нам в душу с теми простыми словами, которые вспоминает теперь каждый, когда речь заходит о старце Серафиме.

— Радость моя! Сокровище мое! — так именовал он всякого, кто приходил к нему. И эти слова стали для нас в те трудные, но счастливые девяностые благовестием Евангелия Христова. Нашим холодным сердцам так важно было ощутить, что Бог и Его святые бесконечно любят нас, мы дороги Богу, нужны Ему. Он хочет нас согреть и утешить. Через преподобного Серафима Церковь открывалась нам как обитель любви и радости. А Бог — как всемилостивый Небесный Отец.

— Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил, — говорил старец одному саровскому монаху.

Агрессивная массовая культура корежит души наших детей. Мы задыхаемся в чадугах огромных городов или в одинокой брошенности маленьких селений. Наша немощная жизнь так мало соответствует тому, что мы твердим в молитвах и читаем в Евангелии, и все-таки прав отец Серафим:

— Нет нам дороги унывать. Христос все победил!

†
преподобне
ѡче Серафиме
мога Бже
ш насъ

Христос взял на себя наши немощи и понес болезни. Он пришел на землю дать отраду людям, открыть им путь к вечной радости, облегчить странствие по житейскому морю. Он — первый и главный наш Целитель. И преподобный Серафим с первых лет своей жизни ощутил исцеляющую силу Божественной благодати.

Вот он еще мальчиком оказывается на грани жизни и смерти. Сильная и решительная мать ощущает свое полное бессилие перед ужасом смерти любимого младшего сына. А тот в болезненном забытии видит Пресвятую Богородицу. Ее глубокий и ласковый взор пронзает душу.

— Ты будешь здоров, — слышит мальчик и ощущает тихое благоухание — розы ли, лаванды, Бог весть. А потом будет крестный ход, и возле дома, где смертельно болен мальчик, хлынет ливень. Икону Божией Матери занесут в дом. И тут, прикоснувшись горячими сухими губами к прохладной ризе, мальчик явственно почувствует, как болезнь, гонимая светом небесной Любви, уходит...

А вот спустя годы он уже послушник Саровского монастыря. Невероятно долгая болезнь приковала его к постели. Тело

распухло от водянки. Лекарства, примочки, компрессы не оказывают действия.

— Только Господь и Его Пречистая Мать могут меня исцелить, — тихо ответил послушник на предложение игумена отвезти его в город к известным врачам. И в ту ночь его келья стала небом. В окружении апостолов вступила в нее Царица Небесная. И не стало ни потолка, ни стен. Только беспредельное лазурное сияние.

— Этот нашего рода, — произнесла Пречистая и прикоснулась жезлом к телу послушника.

Он был исцелен. Уже в старости отец Серафим показывал у себя на боку большое углубление. Оно осталось там, откуда после прикосновения Царицы Небесной истекла жидкость.

Лет через двадцать нечто подобное повторилось. Он опять был при смерти. Его избили в лесу трое грабителей, которые думали найти у старца спрятанные деньги. По заключению врачей, пришедших к нему накануне нового чуда, ему оставалось жить несколько дней. На нем не было здорового места.

И снова земная комната вмещает небо. Царица Небесная и апостолы приближаются

к постели больного. Пречистая, обращаясь в сторону врачей, говорит:

— Что вы трудитесь? — И с милостивой любовью глядит на старца. В это мгновение животельная сила входит в его страдающее тело.

Потом тех грабителей нашли. Они оказались крестьянами недалеко от Сарова деревни. Их хотели судить, но подвижник умолил простить своих обидчиков. Он даже грозился уйти из монастыря, если их накажут. Он не хотел быть причиной чужого страдания.

Испытав на своем опыте милость Неба, вступив в сокровенное общение с горным миром, преподобный Серафим сам стал источником исцелений для многих людей. Первым исцелил он помещика Мантурова, который страдал болезнью ног и почти совсем не мог ходить.

— По данной мне от Господа благодати я первым тебя врачу, — сказал исцеленному старец.

С тех пор эта благодать не оскудевала. Другой помещик, Николай Александрович Мотовилов, был разбит параличом. Его принесли к отцу Серафиму четверо слуг. С трудом приподнимая голову, слабым голосом он молил старца о помощи.

— Да ведь я не доктор. К докторам надо ходить, чтоб лечиться, — отвечал преподобный Серафим.

Мотовилов объяснил, что уже испробовал все известные медицинские препараты и возложил надежду только на Бога.

— А веруешь ли ты, что Христос — это Сын Божий, Который в мир пришел и человеком стал? — тихо спросил отец Серафим, склоняясь с ласковой улыбкой к больному.

— Верую, — отвечал Мотовилов.

— А веруешь ли, что Христос Спаситель как при жизни Своей на земле одним словом мгновенно больных исцелял, так и сейчас исцелить может?

— Верую!

— А если веруешь, значит, здоров ты уже, сокровище мое, вставай да иди в гостиницу.

— Как же я встану? — удивился больной.

— А как все встают, так и встанешь, — и батюшка подал ему руку.

Мотовилов поднялся, потом сделал несколько нерешительных шагов и пошел, не веря своему счастью. Он двигался словно во сне. Впервые за два года шел, как обычный человек, и перед ним расступались все те, кто, как и он, пришел к старцу за утешением, исцелением и советом.

Многих и многих исцелил преподобный Серафим. Особым образом любил старец водные источники. Он молился над ними, и Господь давал им целительную силу. Освященная молитвой старца вода исцеляла паралич, экзему, водянку. Даже страшный бич тогдашнего времени — холеру мог остановить преподобный Серафим.

В 1830 году, когда по всей России пронеслась эта зловещая болезнь, тысячами убивая людей, один помещик, у которого заболели уже несколько десятков крестьян, мысленно воззвал к старцу о помощи. Во сне он увидел отца Серафима. Тот велел ему пить воду из Богородичного источника, находившегося в десяти верстах от деревни. Помещик с безусловной верой воспринял этот сон. Отправил к источнику водовоза и привез в деревню бочку воды. Все, кто пил эту воду, исцелялись от холеры. Эпидемия в этих местах была остановлена.

И сейчас те источники, которые бьют в окрестностях Дивеева и Сарова, неизменно привлекают к себе множество людей. Ведь христианское сердце знает: старец не оставил этих мест и этих вод. Он по-прежнему благословляет и освящает их.

Исцелял преподобный Серафим и одним только прикосновением, дуновением своих уст, ласковым словом. Порой исцелял на расстоянии, духовно посещая тех, кто звал его на помощь. Не перестал он врачевать людей и после того, как тихим январским утром, во время коленопреклоненной молитвы, душа его покинула тело, чтобы взойти в давно уже знакомые ей небесные обители.

В одной дворянской семье мальчика стали мучить приступы боли в животе. Он страдал, мало ел и терял силы. Родители боялись за его жизнь. Знакомая подарила им книжку о старце Серафиме (было это еще до его прославления в 1903 году). Они вместе читали с умилением и радостью бесхитростное повествование о подвижнике. Своему маленькому сыну родители тоже рассказывали про дивного старца. Однажды утром малыш проснулся в слезах. Но это были не слезы боли, а слезы радости.

— Матушка, я видел того самого старца, о котором вы читали, он пришел ко мне. Велел попить воды из своего источника близ Сарова. Он сказал, что все пройдет, — весело говорил мальчик.

Родители поверили сонному видению. Но где взять воду, ведь от их дома до Сарова несколько сотен верст? Однако спустя неделю к ним приезжает та самая женщина, которая подарила им книжку про преподобного Серафима, и, не зная, разумеется, о видении мальчика, привозит бутылку воды из Сарова. Нечего и говорить, что через несколько недель никаких следов болезни не осталось.

Не забывал старец и насельниц своего любимого Дивеевского монастыря (покровителем которого он стал, еще будучи иеродиаконем, в 1789 году). Одна из монахинь упала в погреб и сильно повредила бок. Долгое время лежала она, страдая от боли. Дни проходили, но улучшения не было. Особенно тяжело было ночью. Боль не позволяла спать. Только на несколько минут удавалось временами забыться. И вот однажды в полночь монахиня увидела старца Серафима.

— Давно, давно я не был у вас, — ласково приговаривал он, приближаясь к кровати больной.

— Батюшка, — залилась слезами монахиня, — как болит-то у меня! Нет сил терпеть.

Тогда преподобный Серафим склонился над ней и стал крестить ушибленное место.

— Накладываю тебе пластырь, — проговорил он и растаял в ночном сумраке.

Монахиня проснулась уже под утро. Боли почти не было. И целую неделю у нее оставалось ощущение, что на боку она носит пластырь.

Явился старец и к другой страдавшей монахине. Он встал перед ней на коленях и кормил ее чем-то сладким, похожим, как говорила она сама, на пирожки, и боль ее стихла, болезнь ушла.

Так ласковую заботу батюшки Серафима не могла остановить и смерть. Наоборот, покинув земную оболочку, он стал приходить всюду, где его поминали, звали и просили о помощи. Слух о дивном саровском старце прошел по всей Руси. И когда в 1903 году было решено прославить старца Серафима в лике святых, в Саров собралось около трехсот тысяч человек. Почти каждое русское селение выслало своего делегата. По нижегородским, тамбовским, рязанским дорогам тянулись к Сарову коляски, повозки, телеги, а больше всего шло пешего люда. И среди людей здоровых часто можно было увидеть калек. Кто-то ковылял сам,

кого-то везли. Они шли к святому старцу, потому что знали — он поможет.

В часы прославления то тут, то там среди многотысячной толпы вокруг монастыря слышался гул удивления и радости. Вот распрямился и прыгнул в объятия мамы много лет скорченный сыночек. У кого-то заговорила немая дочка после того, как ей отерли рот платом с мощей преподобного Серафима. Где-то еле ковылявшая только что девица отбросила костыли и радовалась, славя святого.

Благодать зримо являла себя в те солнечные июльские дни 1903 года. И царь стоял среди народа. Он смиренно склонялся перед гробом святого старца и ощущал всем существом радостное молитвенное единство со всей этой многотысячной толпой. Его Россия была с ним рядом у мощей своего святого. Он и его супруга царица Александра тоже просили старца о помощи. Они вымаливали наследника. И через год родился царевич Алексей.

Великое торжество это сродни было входу Господню в Иерусалим. Бурный восторг и всеобщее радостное единство оказались недолгими. Прошло четырнадцать лет, и Россию захлестнула революционная

смута. И царь стал царем-страстотерпцем, и монастырь был закрыт и разорен, и мощи святого Серафима исчезли. Но никуда не пропала ласковая забота старца.

Он остался со своими несчастными детьми. Он был с ними в годы революционных разорений, он облегчал страдания узникам ГУЛАГа, он прошел с нашими солдатами дорогами войны. Его тихий мирный лик глядел с иконы в каждой еще не закрытой русской церкви. И перед ним неизменно теплилось множество свечей. Вместе с другими нашими святыми он вымолил у Господа и Его Пречистой Матери церковное возрождение 1990-х.

Не случайно одним из первых духовных торжеств новой эпохи было именно обретение мощей преподобного Серафима. Где-то в забытом шкафчике ленинградского музея религии и атеизма обнаружился в 1990 году мешочек. И хоть был он маленький, но хранил в себе великую благодать. Вокруг этого небольшого мешочка вновь сошлась вся верующая Россия, сопровождая его шествие от балтийских берегов до разоренного, но уже воскресшего Дивеева, где, как и предсказывал некогда старец, лег он своими мощами.

И вновь потекли к нему люди. Шли по канавке Царицы Небесной, устроенной по благословению батюшки, и читали завещанные им сто пятьдесят «Богородиц», приникали лбами к стеклу над его мощами, с трепетом разглядывали его лапти и мотыгу, чудом сохраненные дивеевскими сестрами. И конечно, просили о помощи. И помощь приходила.

Описано множество исцелений, совершившихся по молитвам преподобного старца уже в новую эпоху. Тяжелые детские болезни, тромбы, опухоли и многие другие немощи и недуги чудесно исцелялись у мощей святого.

Когда едешь от Мурома через Выксу в сторону Дивеева по разбитым русским дорогам мимо бескрайних лесов, зарастающих полей и бедных деревень, невольно проникаешься каким-то грустно-пессимистическим настроением. И вдруг радостно ахаешь, останавливаешься, выходишь из машины и смотришь, как среди желтеющих полей, над бедными деревенскими домиками, над всем этим привычным малонаселенным простором возносится величественная колокольня. Огромные тяжелые храмы стоят за ней, любуясь своей

грациозной сестрою. И спросишь: почему здесь, среди русской скудости и бедности, такое величие, такая красота и такая сила? И сам ответишь себе: потому что здесь земля встретилась с небом. Здесь жил и продолжает жить духом своим угодник Божий Серафим. Он рядом, он по-прежнему приветствует каждого:

— Радость моя, Христос воскрес!

Он прислушивается к нашим просьбам и нуждам. Он хочет помочь в беде, исправить заблуждения, исцелить тяжкие недуги.

«Когда меня не станет, — говорил некогда отец Серафим, — ходите ко мне на гробик. Все, что есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все — придите да мне, как живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет!»

И мы тоже будем приходить к батюшке Серафиму. Конечно, до гробика его нам не так просто добраться, но встать перед той самой иконой, которую приобрели мы некогда в начале девяностых в только что открытом и еще полуразрушенном храме, мы всегда сможем. И ничто не мешает нам рассказать батюшке все, о чем болит наша душа. Ничто, кроме холода сердца, от

которого, как от самой страшной болезни, да избавит нас Бог.

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Город-крепость Кронштадт погружен во тьму. Здесь по ночам не жгут фонарей. Спит в ночлежных домах голытьба, которую высылают сюда из парадной столицы, спят корабли на рейде, спят и честные обыватели. Только дежурный офицер сонно поглядывает в окно своего наблюдательного пункта, да в доме на углу Посадской и Андреевской улиц в окне второго этажа горит свет. Там сидит за столом худой поседелый священник. Он поскрипывает пером в толстой тетрадке, куда вот уже несколько десятков лет заносит свои размышления о жизни в Боге. А потом священник встает. Он застывает перед домашним иконостасом. Изредка крестясь, он говорит с Небесным Отцом.

Пройдет часа четыре, и там, где Посадская улица пересекает Андреевскую, начнется ужасная толкотня. Несколько сот человек выстроятся в два ряда вдоль дорожки, идущей от углового двухэтажного

дома до большого собора. Но что это за люди? Опухшие лица, замотанные тряпками ноги, какие-то немыслимые душегрейки с оторванными рукавами. Одно слово — оборванцы. Они приходят сюда каждое утро. Еще засветло, потому что каждое утро, когда только первые извозчики выводят на улицы города своих еще сонных лошадей, худой поседелый священник выходит на крыльцо, чтобы идти служить утреню и Литургию в собор святого Андрея Первозванного, до которого тут шагов пятьсот.

Он встречает выстроившихся оборванцев привычным благословением, а потом идет мимо их живой стены. «Пять... десять... девятнадцать, двадцать», — считает про себя священник. Двадцатый получает рубль для того, чтобы разделить с другими двадцатью. А идущий продолжает счет, и снова рубль — двадцатому. И так — пока не закончится эта живая стена, эта череда протянутых рук, которым нужна помощь. Ведь пять копеек — это и ночь в ночлежном доме, и тарелка щей в благотворительной столовой Дома трудолюбия, который выстроил в Кронштадте тот же священник — отец Иоанн.

Он приехал сюда в 1856 году, еще совсем молодым, двадцатисемилетним выпускником Духовной академии. Когда он учился на последних курсах, ему мечталось отправиться на край света, чтобы нести темным язычникам свет Христов. Но судьба распорядилась иначе. Огромный собор на Андреевской улице города Кронштадта стал местом его служения до самой смерти.

...В сумерках морозного декабрьского дня он впервые шел мимо низеньких кронштадтских домов. Несколько пьяных мастеровых устроили потасовку в подворотне, возле аптеки худенькая женщина с двумя детьми тянет руку к прохожим, а те прячут носы в высокие воротники. Он подошел к ней, стал расспрашивать. Та сначала дичилась и подозрительно смотрела на него, но потом заплакала, запричитала. Он узнал, что муж ее постоянно пропивает все свое жалование, домой является чуть ли не ползком и бьет детей. Вытащив из кошелька все его содержимое и вручив это женщине, молодой священник подумал, что в просвещении Христовом нуждаются не только дальние народы и страны, но и крещеные русские люди, которые теряют человеческое лицо в каменных лабиринтах городских трущоб.

Он служил сначала как все, два-три раза в неделю. Но потом ясно понял: чтобы всегда слышать Бога и любить всякого человека, сердце нуждается в постоянной помощи Божией. Единственной пищей для сердца могут быть Святые Таины, и отец Иоанн стал служить и причащать ежедневно.

Каждое утро, пройдя вдоль вереницы протянутых рук, он вступает в собор. Начинается утренняя. Отец Иоанн выходит на клирос и читает канон. Несмотря на будний день и ранний час, в соборе уже много людей. Под своды величественного купола взмывает голос отца Иоанна:

— Пресвятая Богородице, спаси нас!

Горячо, ярко звучат слова, и кажется, это не просто молитва, но требование. Этот невысокий седоватый священник требует, чтобы Царица Небесная согрела Своей любовью всех, кто пришел, приплыл, приехал сюда с разных концов России.

Перед началом Литургии в алтаре появляются корзины записок. Они грудami лежат возле жертвенника. Это и бумажки с именами, и телеграммы, и целые письма. Если бы батюшка взялся читать их, все его время и ушло бы только на чтение. Вот он оставляет клирос. Отзвучало великое

славословие, отец Иоанн склоняется над жертвенником. Он встает на колени, его руки покрывают все эти письма, записки и телеграммы, всю эту летопись человеческих нужд и скорбей. «Батюшка, помоги, исцели, направь», — стонут, шепчут, умоляют бесчисленные листочки.

— Господи, Ты Сам знаешь, о чем просят эти души. Исполни прошения их, утоли скорбь, исцели болезнь. Тебе все возможно, — дерзновенно молится у жертвенника священник. Он поднимается с колен, по усталому бледному лицу текут слезы. Кажется, на его плечах тяжелый груз. Словно бы он взял сейчас на себя всю эту скорбную ношу.

И в это самое мгновение кто-то за тысячу верст от кронштадтского собора открывает глаза после нескольких дней болезненного забытья и чувствует прилив новых сил, кто-то получает неожиданную весточку от родного человека. Потому что отец Иоанн помолился, и Бог услышал его.

Не сразу священник получил такое дерзновение. Долгое время, исполняя просьбы о молитве, он просил об одном: «Да будет воля Твоя». Но однажды благочестивая старушка, давно знавшая отца Иоанна,

попросила его помолиться за больного родственника.

— Только ты, батюшка, непременно проси, чтоб Господь его исцелил, а не просто исполнил Свою волю, — прибавила она, заглядывая в самую глубь пронзительно голубых глаз священника.

Удивленный столь настойчивой просьбой, он расслышал в словах старушки повеление Самого Отца Небесного и стал молиться, почти требуя помощи и исцеления. И болезнь ушла. Вскоре еще один безнадежно больной по молитве отца Иоанна поднялся на ноги. Молва полетела по Кронштадту, докатилась до Петербурга, быстро вышла за его пределы. И вот уже река прошений, молений, требований потекла на кронштадтскую почту. Кто-кто, а тамошние почтальоны не очень-то радовались славе своего священника, ведь работы у них стало гораздо больше, чем у любого из остальных служащих российского почтового ведомства.

«Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа!» — возглашает отец Иоанн. Начинается Литургия. Он то читает положенные молитвы, то вдруг поднимает напрестольный крест, целует его

и долго смотрит на изображение распятого Спасителя, что-то шепча. Временами взор его останавливается. Он уходит в какой-то одному ему ведомый мир. Потом снова берет в руки служебник. А Литургия летит. Все ближе минуты пресуществления Святых Даров. Все напряженней, сосредоточенней лицо отца Иоанна. Иногда по нему проскальзывает выражение печали, усталости. Иногда оно словно вспыхивает радостным светом.

Евхаристический канон. Отец Иоанн у престола. Он произносит молитвы, и слезы текут по бледным щекам, путаются в седой бороде. Глаза закрыты. Он благодарит, он молит, он сейчас на вершине своего служения.

Призывание Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь. Перед отцом Иоанном Святое Тело и Святая Кровь. Он поднимает дискос и Чашу и замирает перед ними на минуту, две, иногда больше. Все скорби, прошения, нужды, которые проходят через его сердце, он обращает к живому Спасителю, Который сейчас здесь, перед ним, в его руках — в Своих Пречистых Тайнах.

Когда в октябре 1892 года в Крыму умирал русский император Александр III, отец

Иоанн был призван к нему. Царя мучили чудовищные головные боли, но как только священник возлагал на него свои руки, боль почти проходила.

— Отчего это? — удивлялся умирающий царь.

— Это от того, что я только что служил Литургию и держал этими руками животворящие Тайны Христовы, — отвечал отец Иоанн.

И вот худой седоватый священник вкушает Тело и Кровь Господни. И кажется, его фигура распрямляется, лицо светлеет, какой-то бодростью и радостной силой веет от него. «Это гигант духовный!» — восклицает в глубине сердца сослужащий ему молодой иерей и ловит на себе тихий, бесконечно мирный взгляд отца Иоанна, как будто говорящий: «Разве я гигант? Я только стеклышко, отражающее безмерную милость Божию».

После причащения в его взгляде нет уже следов усталости или скорби. Светлая радость и покой сквозят в каждой черточке этого простого русского лица. Он явственно ощущает, как животворят Святые Тайны.

И теперь он выходит к людям. Они ждут его, весь храм полон народа, как на Пасху.

Но тут, в Кронштадте, — каждый день Пасха, воскресший Спаситель встречает всякого у раскрытых Царских врат соборного алтаря. Начинается общая исповедь.

Отец Иоанн произносит обычные слова о необходимости покаяния, примирения с Богом, вспоминает примеры ветхозаветных грешников, потом читает молитвы перед исповедью. Ничего исключительного, все так, как в тысячах других храмов. Но почему отовсюду начинают доноситься вздохи и всхлипывания? Даже какие-то господа, до сих пор скучавшие у правого клироса, вытирают платками глаза. А среди простого народа раздаются крики:

— Батюшка, прости! Все мы грешники! Помолись за нас!

Отец Иоанн дочитывает последование к исповеди. Снова говорит. Простые слова рядового священника. Но почему-то они доходят до самого сердца, взрывают душу.

— А теперь кайтесь, кайтесь, — обрывает свою проповедь отец Иоанн.

И словно лавина обрушивается с гор, в храме начинается шум. Кто плачет, кто выкрикивает свои грехи, кто призывает Бога, кто просто стоит в оцепенении, шепча

что-то одними губами. А надо всем этим на амвоне застыла фигура священника. Он поднял глаза к небу, руки его скрещены. Он видит перед собой море человеческого греха и просит Бога очистить этот грех и войти в это море, чтобы оно утихло.

— Тише, братья, тише, — призывает спустя пять — десять минут отец Иоанн.

Постепенно стихает гул. Он простирает епитрахиль над склоненными головами. Прочтена разрешительная молитва, вздох облегчения проносится по храму, и все ясно чувствуют, что Господь принял молитву своего служителя и простил грехи людей. Теперь вынесут Чаши, будут причащаться сотни человек. Именно здесь, рядом с кронштадтским пастырем, они смогут ощутить великую силу Святых Таин, потому что и сам отец Иоанн непреложно знает эту силу.

«Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин! — писал он. — Старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, — от Причастия Святых Таин, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после Причастия Святых Таин, в тот же день, начала поправляться, кушать, пить и говорить, между

тем как она была почти в беспамятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава животворящим и страшным Твоим Тайнам, Господи!»

Уже отзвучали последние молитвы Литургии, а причастники все идут и идут. Но отец Иоанн, доверив Причащение другим священникам, спешит тайной дверцей покинуть алтарь и храм. Ему нужно в Дом трудолюбия. Там ждут его те, кто приехал издалека, кто просит совета, помощи и исцеления. Он обходит каждую комнату, с ласковой улыбкой он наклоняется к каждой вопрошающей душе. Он дает ответ всякому, кто ждет от него ответа.

Здесь, в коридорах и номерах Дома трудолюбия, других домах и квартирах Кронштадта действует великий целитель.

Вот Сергей Нилус, который приехал искать спасения от греха у ног отца Иоанна, но заболел, потерял голос и не мог в последние дни произнести ни слова, после ласкового прикосновения кронштадтского священника заговорил и излил ему всю свою истосковавшуюся по Богу душу.

Вот пожилая жительница Кронштадта, уже четыре года не встававшая с постели. Ей требовалась операция, но врачи не

знали, сможет ли она ее выдержать. Услышав об этом, больная долго молилась.

— Мне нужно видеть отца Иоанна, — сказала она родным после молитвы.

Его позвали. Отец Иоанн сразу откликнулся и вскоре пришел.

— Завтра жду тебя на Причастие у меня в соборе, — сказал он на прощание больной.

Все восприняли это как странную шутку. Но уже к вечеру женщина впервые за четыре года смогла подняться, а утром отправилась в храм сама и причастилась из рук отца Иоанна.

Но вот, выпив чашку чаю и быстро что-то съев, отец Иоанн уже снова в пути. Он едет на коляске к пристани, где ждет его пароходик. Почти каждый день совершает он эти поездки в Петербург. Не для того, чтобы полюбоваться морским пейзажем, но чтобы прийти к тем, кто зовет и ждет. По улицам города коляска везет его туда, где лежит очередной тяжелобольной, потерявший надежду на врачей. Отец Иоанн служит водосвятный молебен, кропит всех, кто наполнил комнаты, лестницы и коридоры дома. А потом склоняется к больному, дует на него крестообразно и смахивает со столика у кровати многочисленные склянки с лекарствами.

— Они совсем не нужны тебе, — улыбается отец Иоанн и спешит дальше, туда, где приговоренная врачами к смерти чахоточная девушка с воспаленными от слез и страданий глазами хватает его за руку и шепчет:

— Батюшка, я жить хочу, а они говорят, что я умру.

— Почему же ты умрешь? Ты совершенно здорова, — возражает, улыбаясь, священник, и теплая волна счастливого умиления заливают сердце больной. Девушка знает: завтра она уже встанет с постели, она начнет новую счастливую жизнь здорового человека.

Но ему надо спешить дальше. За коляской бегут люди. Кто-то, узнав, что едет отец Иоанн, пытается спросить его о чем-то в окно кареты, кто-то хочет просто взглянуть на лицо прославленного священника, кто-то думает, что, коснувшись только коляски, где находится отец Иоанн, он получит помощь.

Солнце уже почти совсем тонет в притихших водах Финского залива, когда пароходик с отцом Иоанном отправляется в обратный путь. Облокотившись на борт, смотрит священник вдаль. Серые облака

святый праведный отец
ИОАНН КРОНШТАДСКИЙ
С благодарностью от России

плывут по темнеющему небу, плещет о борт вода, а позади — день милости Божией. О чем думает он, что предчувствует своей чуткой душой, покачиваясь на балтийских волнах? Быть может, видится ему страшное зарево революции, проходят перед мысленным взором разоренные храмы, расстрелянные священники; явственно взмывается перед ним тот чудовищный взрыв, который раздерет на кровавые куски его любимый собор.

А может быть, откроется отцу Иоанну и то, как пройдут десятки лет, и люди вспомнят Бога и Церковь, вспомнят его самого и пойдут к его гробу. Туда, где будет лежать он в подземной усыпальнице Иоанновского монастыря на набережной неширокой речки Карповки, несущей в Неву свои мутные воды между стройными громадами петербургских домов. Он увидит наши души и будет просить и за них. И Бог его услышит.

Кто-то получит исцеление от страшной раковой опухоли, как это было с одной женщиной в 1994 году, в первый раз причастившейся у мощей святого Иоанна. К кому-то он сам придет, как произошло это через год с одним петербургским

мальчиком, у которого нашли опухоль мозга. Святой старец наклонился к нему и погладил по голове, изгоняя смертельно опасную болезнь.

...Уже будет совсем темно, когда отец Иоанн возвратится домой. Надо прочесть правило ко Причастию, вечерние молитвы, а потом выйти в сад возле двухэтажного дома на углу Посадской и Андреевской улиц. Там тихо шуршат последними листьями тополя, и так сладко произносить имя Господне. Кронштадт уже спит. На башне пробило два. Нужно только не забыть перед сном записать в толстую синюю тетрадку то, чем всегда согревается душа:

«Господи, благодарю Тебя, что Ты удостоил меня быть членом Церкви Твоей, Святой, Соборной и Апостольской, и священником ее, и совершителем Святых Таинств, и причастником».

А через несколько часов, когда едва еще рассветет, он снова пойдет обычной дорожкой к собору, отсчитывая привычно: первый, десятый, девятнадцатый. Рубль упадет в протянутую ладонь. И снова: первый, десятый, девятнадцатый, двадцатый...

Блаженная Матрона Московская

Возле метро «Таганская» можно нередко встретить людей с букетами цветов. Ну и что? У всякого метро люди покупают букеты и идут на свидания, дни рождения и корпоративные вечеринки. И все же у «Таганской» людей с цветами — преимущественно женщин, и молодых, и пожилых, — гораздо больше. Если присмотреться внимательно, то все эти женщины с цветами идут в одну сторону: по Таганской улице до Абельмановской заставы. Там они заходят в ворота Покровского монастыря и стоят в очереди. Даже в двух. Сначала к иконе, потом к мощам блаженной Матроны.

Зайдем и мы в монастырские ворота, встанем рядом с женщинами, которые несли от метро цветы. Они несли их святой Матронушке. Положено приносить нечетное число, как живой. А потом каждый из тех, кто простоял очередь, получит у мощей горстку лепестков от тех цветов, что были куплены у метро кем-то другим. И сколько про эти лепестки рассказов! Кому-то их прикосновение исцелило экзему, кому-то — опухоль. У кого-то исправилась отношения с соседями, после того как он рассыпал в доме эти

лепестки. Нежные, уже суховатые, но еще ароматные лоскутки Матронушкиной любви, которой она делится со всяким, просящим ее заступничества.

Присмотримся к тем, кто терпеливо стоит в очереди, выющейся по монастырскому двору. Всебольше люди простые, много иногородних и даже, условно говоря, иностранок: приезжие из Молдавии, Белоруссии, Украины. Далеко не у каждой традиционный для церковных людей вид. В очереди много таких, кто явно редко заглядывает в храм. Джинсики, накрашенные губы, полинялые от многоразовой химии локоны, грубоватая речь и прочее подобное часто встретишь в этой очереди. И пришли они сюда не от высоких устремлений, а потому что парень бросил, с работы уволили, да просто подруга сказала, что придешь — от всего поможет. Приходят суеверно, не умея перекреститься, не зная, как повернуться в храме. Нередко первый раз вместе с этой очередью переступают порог церкви. Приходят к блаженной Матронушке, потому что знают отчего-то: она своя, поймет, не станет брезгливо отворачиваться, бранить за джинсы и помаду, но прижмет к себе, к самой груди. И там будет биться сильно-

сильно, как большая белая птица, ее любящее сердце.

Многие из тех, кто приходит к святой Матронушке, толком и не знают ничего об учении Церкви, о смысле христианской веры. Они идут к ней почти так же, как шли недавно к каким-то целительницам и бабкам, ведь она тоже таинственная и в то же время совсем простая бабушка в белом платочке. Но блаженная Матронушка ласково берет их за руку и ведет ко Христу. Всякий, кто чувствует на себе ее внимание, помощь, любовь, начинает свой путь к полноте церковной жизни. Духовные книги, исповедь, Причастие, а вслед за тем и перемена отношения к близким, ко всей жизни — вот что бывает нередко плодом благодатной помощи святой Матронушки.

Она просто помогла молодой девушке сразу после училища устроиться на работу. Спасла двухлетнего ребеночка от тяжелых последствий сотрясения мозга. Избавила молодую женщину от сильнейшего гайморита. Вернула блудную жену к покинутому мужу. Исцелила больные суставы, остановила зубную боль. Она откликнулась на тысячи просьб. Но в итоге почти всегда одно: человек открывает для себя мир вечности.

Самая обыкновенная девушка, которая, кажется, и не задумывалась ни о чем, кроме своей влюбленности в очередного парня и грядущей распродажи в торговом центре, понимает вдруг, что есть Бог и его святые. Пожилая женщина, воспитанная в советском атеизме, получив исцеление от лепестков с гробницы святой Матронушки, впервые начинает молиться Небесному Отцу.

Блаженная Матронушка — это дар Божий современным людям. Она проросла в нашу современную городскую жизнь из уходящей в прошлое русской деревни. Родилась в конце позапрошлого века в Тульской губернии, росла под крышей деревенской избы. Она была слепой от рождения, в отрочестве к этому прибавился паралич ног. Ей пришлось покинуть родной дом и уехать в Москву, потому что ее братья-коммунисты не выносили церковного духа. Почти сорок лет она, слепая и параличная, была странницей. Жила по углам, в самых разных концах столицы, в центре и на окраинах. За ней ухаживали разные женщины. Кто уважал ее, а кто шпынял и третировал. Она умела терпеть и молиться. В тишине своего теплого сердца где-нибудь в Сокольниках, в почти нетопленном сарайчике,

она лежала, примерзнув волосами к стене, и терпела. А в сердце журчала молитва и за свою грубую хожалку, и за тех, кто приходит к ней каждый день со своими нуждами и скорбями, и за братьев-безбожников, оставшихся в деревне.

Дар чудотворения открылся у нее еще в детстве.

— Вот ты, Матреша, слепенькая да убогая, а Господь-то таких слушает, — сказал кто-то из односельчан и попросил помолиться за больную мать. Молитва слепой девочки и вправду была услышана. И с тех пор бедный дом, где родилась четвертой и нежеланной дочкой Матронушка, стал местом паломничества сотен людей. И местом встречи человеческой души с небесным чудом.

Ее слепота овееяна тайной. Одной своей почитательнице уже в старости блаженная Матрона сказала:

— Ты вот все жалеешь меня, что я ничего не вижу, а ведь Господь мне всю красоту мира показал: и леса, и реки, и моря, — все я видела.

С ранних лет она любила иконы, не имея возможности их увидеть. Часто родители, вернувшись с полевых работ, находили

трехлетнюю дочку возле красного угла. Она играла в иконочки, неведомо как сняв их со стены. С годами ее любовь к иконам только росла. Она просила вешать их как можно больше, она вдохновила одного художника написать образ Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших». Она духом видела и чувствовала икону, как окно в вечность, из которого веет прохладой Божественной любви.

Одной женщине она помогла защитить архитектурный проект.

— Полетим сейчас с тобой во Флоренцию, в Рим, посмотрим на творения великих мастеров, — сказала блаженная Матронушка, когда та пришла к ней в отчаянии и сообщила, что собирается бросить свою работу. Блаженная мысленно перемещалась по итальянским улицам, произнося их названия, а потом сказала:

— Вот то, что тебе надо, — палаццо Питти.

Архитектурные элементы этого здания помогли женщине довести свой проект до конца. Так что слепая блаженная Матрона видела и знала гораздо больше многих зрячих.

В день принимала она до сорока человек. По ночам молилась. У нее были короткие

ножки и ручки. Она могла только лежать или сидеть и принимала людей, сидя на своей постельке, скрестив ноги. Простое русское лицо. Пушистые волосы, причесанные на прямой пробор, нос картошкой. Добрая улыбка и тихий, ласковый голос — такой осталась она в памяти знавших ее. Такой видели ее и те, кому являлась она уже в наши времена, — обыкновенная бабушка в белом платочке, в ситцевом платье в голубой цветочек, — так приходила она в сонных видениях к издерганным, нищим детям нашей эпохи. Приходила, чтобы прикоснуться своей мягкой ладонью, чтобы ободрить, утешить.

В очереди можно услышать разговоры. Кто-то расскажет о том, как помогла святая Матронушка соседке или подружке, кто-то поделится собственным опытом общения с блаженной. Иногда, грешным делом, можно подслушать и целую исповедь.

Может быть, какая-то молодая женщина, забыв про то, что вокруг чужие люди, будет жарко рассказывать что-то своей соседке. У нее на щеках румянец, она теребит взволнованно свою крохотную кожаную сумочку, из которой выглядывает узенькая пачка дамских сигарет. Мы, конечно,

будем усиленно отворачиваться и прятать уши в поднятый воротник. Но все равно услышим ее рассказ, взволнованный и неожиданно возвышенный для этих джинсиков, выбеленных локонов и густо покрашенных губ.

— Я сюда, понимаешь, благодарить пришла, — быстро и громко будет говорить она, — Бога благодарить, Матронушку. Она спасла меня. Вытащила со дна. Заново родилась я благодаря Матронушке. А было дело так. Я анализы сдала. И врачи сказали, что у меня ВИЧ. Сделали повторные анализы и отправили на проверку в научный институт. Через три недели сказали ждать результат. Но у меня уже — никакой надежды. Все внутри словно рухнуло. Злая была на весь мир. Всерьез хотела убить себя. Ведь кроме страданий и ужаса впереди — ничего. Вот как-то ночь бессонная прошла, с утра, не знаю зачем, села в метро. И вдруг вспомнила почему-то одну телевизионную передачу про святую Матрону. Там много рассказывали, как она помогает. Вообще в церковь-то я почти не ходила. А тут решила пойти в этот монастырь. Вспомнила, что он где-то на Таганке, вышла. Стою, и опять в душе холод, отчаяние. Что толку куда-то

идти? Да и куда? Тут подходит пожилая женщина с цветами.

«Тебе к Матронушке?» — спрашивает.

«Да».

«Ну так иди прямо по Таганской, там увидишь».

Я говорю «спасибо», а сама даже удивиться не успела, как она поняла, куда мне нужно.

Дошла до монастыря. День обычный, будний, а людей — как куличи святить. Два часа стояла к иконе, два часа — к мощам, а все промелькнуло как десять минут. Что чувствовала, не расскажешь. Сначала стали слезы душить, я все сдерживалась, а тут какая-то бабулечка шепчет:

«Да ты поплачь, глупая...»

Я и разревелась. Сначала вроде от обиды, от злобы даже — на жизнь, на все несчастья, на болезнь, на смерть близкую. Потом вдруг стало вспоминаться, о чем как бы и забыла, и аборт этот, и как над матерью издевалась... много всякого. Я осознала вдруг, какая у меня черная душа. И вижу — плачу-то о себе, о своих грехах.

Когда прикладывалась к иконе, взглянула на Матронушку близко-близко, а лик такой живой, добрый. И она, слепая, глядит

на меня своими закрытыми глазами, и любит меня и жалеет. А еще ручка ее, которая благословляет, тоже совсем живая, показалось даже, что пальчики шевельнулись. Потом я икону поцеловала, чувствую — мне как по волосам рукой провели, мягко так, ласково, словно утешая. И дальше я уж плакала от умиления. Такое ощутила доверие к Матронушке, любовь даже. В очереди стою, слезы льются, а в душе одно: «Какая она добрая!»

А у мощей — как ожог во мне прошел. Все внутри сжалось, и уж сама не знаю, то ли я про себя, то ли вслух кричу: «Матронушка, помоги!» — и за гробницу схватилась. И хотелось так и остаться и еще просить, просить.

Как вернулась домой, поняла, что совсем другой стала. Вспоминала, что было в монастыре, и казалось, что эти четыре часа я в каком-то неземном измерении жила.

О болезни и мыслей не было, о самоубийстве тем более. И людей вокруг стало вдруг ужасно жалко, и они мне все дороги. А я все это время никого не любила, не жалела, была вся только в себе.

Каждый день стала ей молиться, ну то есть как молиться? Никаких молитв я же

не знаю, говорю: «Милая Матронушка, ты только меня не оставь!» А уж Божией Матери или Спасителю — так просто боялась молиться. А ей не боялась.

Через три недели пришли новые анализы, и я узнала, что не больна. Понимаете, ничем таким страшным не больна. Так я почти и не удивилась. Ведь это, конечно, по молитвам моей дорогой Матронушки. И она всем поможет, кто ее призовет, кто придет к ее гробику.

А мне она ясно показала, и я теперь знаю точно: и здоровье, и сама жизнь — все от Бога, через Его святых, через Церковь. Я в первый раз исповедовалась, причастилась. И теперь всем говорю: если что не так, если плохо, если проблема — надо ехать в Покровский монастырь, стоять в очереди, да-да, очень важно в очереди постоять, и целовать Матронушкин гробик и просить о помощи. Ведь она сама сказала: «Все, все приходите ко мне и рассказывайте, как живой, о своих скорбях. Я буду вас видеть, и слышать, и помогать».

* * *

Отстоим и мы двухчасовую очередь. В храме возле мощей что-то всколыхнется,

быть может, и в нашей душе. Какое-то со-
вестливое чувство тронет сердце, и комок
подступит к горлу. А потом мы обязательно
вспомним, что и нам есть о чем попросить
блаженную Матронушку. Есть и у нас вся-
кие нужды: и насчет здоровья, и насчет де-
тей, да и насчет зарплаты или жилплоща-
ди, всего того, ради чего приходят к святой
Матронушке люди каждый день с раннего
утра. И чего совершенно не нужно было ей
самой. Нищая, изгнанная из родного дома,
слепая и парализованная страдальца, она
ни в чем не нуждалась, кроме неизреченно-
го прикосновения десницы Господней.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА

В ту ночь ей не дали заснуть. Ког-
да стало совсем темно и на небо высыпали
крупные летние звезды, великую княги-
ню и всех остальных узников вытолкали
прикладами на улицу. С полчаса тряслись
в грузовике. Ночь была теплой, но сердца
были скованы холодным страхом. Резкий
удар по тормозам, громкие окрики. Их всех
толкнули в темноту. И вдруг земля стала
уходить из-под ног. Один за другим узники

падали в незрячую глубину шахты. Великая княгиня упала на неширокий выступ, не долетев до дна. Рядом с ней оказался молодой князь Иоанн, сын великого князя Константина Константиновича, который восхищался когда-то ее красотой и вместе с ней хоронил убитого террористами мужа великой княгини.

Ее серое полумонашеское одеяние было изорвано, тело пронзала боль от переломов и ушибов. Но желание утешить, помочь не угасало. Князь стонал... Его голова была вся в крови. Преодолевая боль, мученица оторвала полоску от своей одежды. Руки не слушались. От каждого движения темнело в глазах. Приблизившись к страдальцу, великая княгиня перевязала ему голову. Потом он ощутил мягкое прикосновение крестьящих пальцев. И стало легче. Он так хотел взглянуть на нее, но не мог. Тело не слушалось его. А потом она тихо запела.

Раньше молодой князь никогда не слышал, чтобы Елизавета пела, а теперь — этот чистый светлый голос. Она пела что-то очень знакомое. Как будто из детства. И спустя несколько мгновений он понял — это слышанная столько раз за обедней Херувимская. И вдруг стали отдаляться, забываться

страшные дни заточения, сквернословие солдат, тоска по родным, по дому, по всему, что так любил, а теперь потерял. Сердце успокоилось от этого пения, и боль, жгучая, острая боль совсем исчезла. Мгновение, и стало так легко и светло. Он смог подняться и пойти туда, где внезапно засиял золотистый свет. И кто-то звал его, окружал ласковым теплом и нес куда-то в сияющую высь. Там различил он очертания каких-то прекрасных зданий и понял, что это и есть тот Вечный дом, то наше настоящее Жилище. А ведь о нем так часто говорила тетушка Элла, великая матушка, княгиня, которая, проводив его, осталась умирать там, далеко внизу.

«Ничего у меня нет, кроме любви ко Христу, но я слаба — истинность нашей любви, преданность Ему мы можем выразить, утешая других людей, именно так мы отдадим Ему свою жизнь», — писала некогда Елизавета. В свои предсмертные часы, отдавая свою жизнь Спасителю, она думала о том, кто страдал рядом с ней, она хотела утешить его. А потом были часы ее собственных последних страданий. Сколько длились они — день, два или больше — никто не знает. Но за это время ее душа

прошла самые крутые ступени той лестницы, которая приводит к святости.

А началась эта лестница очень далеко от уральской шахты. Десятилетняя Елизавета уже поднималась по ее ступеням, когда приходила в дармштадтскую больницу и приносила цветы умирающим. А те глядели на красивые локоны и тонкие ручки юной принцессы, слушали ее ласковые приветствия, и успокоение наполняло страждущие сердца.

Она совершала этот подъем и тогда, когда в четырнадцать лет стояла на коленях у гроба матери, а потом утешала младших братьев и сестер. Скрывая боль, писала письма своей бабушке-королеве и согревала заботливым вниманием разбитого горем отца.

Ступень за ступенью поднималась Елизавета вверх и тогда, когда судьба перенесла ее в Россию и бросила в самую гущу полной удовольствий и развлечений придворной жизни. Веселясь и играя, счастливая молодая жена великого князя иногда вдруг взглядывала на пеструю суету костюмированного бала или чинную роскошь званого обеда, и глаза ее наполнялись грустью, свет иных миров просвечивал сквозь прекрасное тонкое бледное лицо. А потом, после

бала, когда все уже давно спали, она долго молилась перед распятием, привезенным из родного Дармштадта.

Быть может, особенно важным для этого подъема стал апрельский день 1891 года. Была Вербная суббота. В небольшой домовой церковке петербургского дворца она приняла святое миропомазание и причастилась Святых Таин и тем самым присоединилась к Православной Церкви. «Я чувствую, что этот шаг приближает меня к Богу», — писала она отцу, прося у него благословения на свой поступок и не зная еще, что вместо благословения получит холодную отповедь. Это будет стоить ей многих слез и большой сердечной боли. Но решение останется неизменным, ведь она ясно поняла, что только в Православии она может «найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином».

А потом ее муж станет московским генерал-губернатором, и она увидит, сколько нужд, бед и недугов кроется в многочисленных закоулках и улочках Первопрестольной. Она станет посещать больницы для бедных, помогать брошенным детям, посещать заключенных. А когда начнется

Японская война, превратит залы огромного Кремлевского дворца в бесчисленные мастерские, где сотни женщин будут шить военное обмундирование, собирать и укладывать посылки с провизией, медикаментами и подарками для солдат. И сама Елизавета в скромном сером платье будет работать вместе со всеми, радуясь, что может хоть чем-то помочь тем, кто проливает кровь за ее вторую родину.

Бывают зимой такие дни, когда все совершенно бело. И небо белое, и воздух белый от кружения снежинок, дома и улицы тоже белые от свежего снега. Словно саваном окутан тогда мир. В подобные дни как-то особенно тихо. Но именно в такой день в Кремле прозвучал страшный взрыв. Кто-то подумал, что рухнуло какое-то здание, кто-то — что произошла авария на электростанции, но Елизавета закричала:

— Это с Сергеем! С Сергеем! — и в одном платье выбежала на улицу. Ей на плечи успели накинуть какой-то плащик. Она устремила в сторону взрыва. Она сама сняла обручальное кольцо с отброшенной к фонарному столбу кисти правой руки, она складывала на носилки окровавленные останки. Она оставалась в эти минуты

сосредоточенно тихой. Только страшная бледность выдавала ее внутреннюю боль.

В подземной церкви-усыпальнице Чудова монастыря в Кремле близ мощей святителя Алексия был поставлен гроб ее мужа. И здесь она продолжала свой подъем. Только теперь это были крутые ступени горя. Скорбя, она ощутила великую силу мира Христова, который проливается в душу в ответ на живую молитву. Здесь она почувствовала необходимость примириться с убийцей. Позже она пошла к несчастному террористу Каляеву, она говорила с ним, пыталась пробудить в нем веру, раскаяние, оставила образок, Евангелие. В те скорбные дни она улыбнулась только один-единственный раз, и было это в тот миг, когда ей сказали, что убийца ее мужа положил оставленный образок возле подушки. Она так надеялась послужить исцелению этой души.

С тех пор Елизавету нельзя было встретить ни на одном званом обеде или светском рауте. Даже участвуя в крестинах или венчаниях близких родственников, она сразу же из храма возвращалась к себе. Монашеской неотмирностью стало веять от нее. Но не уйти от мира, а войти в него, в его скорбь, в его немощь и боль решила она.

Обитель Марфы и Марии на Большой Ордынке. Теперь мы снова можем оказаться под ее кровом, посидеть на лавочке среди цветов, помолиться в Покровском храме перед прекрасной нестеровской фреской, где идут к сияющему белым светом Христу русские люди. Даже после многих десятилетий разорения все здесь дышит стройной и светлой душой преподобномученицы Елизаветы. Здесь она продолжила свое восхождение и поднялась на много ступеней вверх.

После трех-четырех часов сна она среди ночи вставала на молитву. Потом шла в больничную палату, обходила всех больных. Если кто-то стонал, садилась у изголовья. Тихий голос говорил что-то, мягкие руки меняли повязку, давали лекарство. И становилось легче, спокойнее. Мир приходил в душу больного. А если боль все-таки не уходила, если предсмертный пот показывался на лбу, то она оставалась рядом. Она держала за руку, она молилась и благословляла. И трепещущая душа вступала в мир вечности, ощущая ее таинственное напутствие.

Сюда, в обитель великой матушки, везли самых трудных больных. Рассказывают

о кухарке, которая получила страшные ожоги — только ступни и голова остались незатронутыми. Врачи приговорили ее к смерти. У женщины началась гангрена. Был невыносимый запах, она стонала и плакала от боли. Два раза в день сама по нескольку часов Елизавета меняла бинты кухарке. В каждом движении ее рук были нежность и сочувствие. Она делала это так, что страдальца чувствовала облегчение и затихала. В конце концов кухарка выздоровела.

При всех серьезных операциях Елизавета стояла рядом с хирургом. Подавала инструменты, лекарства. И больные говорили, что от нее исходила целебная сила, которая помогала им кротко переносить боль и спокойно идти на операции. Сила эта рождалась из глубины ее искреннего страдания и сердечной молитвы.

В полутора верстах от обители, в низине речки Яузы, располагалась печально известная Хитровка. Вокруг шумного рынка — несколько десятков низких каменных и деревянных бараков — трущобы, где ютились опустившиеся, несчастные люди. Грязные, узкие переулки. На рынке продавали все: от краденых драгоценностей

до заношенных лохмотьев. Дети, выраставшие здесь, обречены были стать нищими или ворами. Мужчины спивались, женщины теряли человеческий облик. И здесь стала появляться стройная фигура женщины в сером полумонашеском одеянии. Эти полторы версты от Большой Ордынки через мост, а дальше по зловонным улочкам к грязному базару стали для этой женщины еще одним звеном сияющей лестницы, ведущей к небу.

Она заходила в комнаты, где на рваном одеяле стонал больной ребенок. Какие-то посторонние люди сновали мимо. Ни отца, ни матери не было рядом. Елизавета брала это худенькое тельце на руки. И впервые чувствовал брошенный мальчик, что он кому-то дорог. Ласковое тепло согревало его окоченевшее сердечко. Она находила приют для многих оставленных детей, она вглядывалась своим ясным любящим взором в души последних опустившихся бродяг. «Подобие Божие не может быть уничтожено», — говорила она и верила в человека.

Однажды Елизавета купила в районе Хитровки множество вещей для раздачи бедным. Они были сложены в большой мешок,

донести который княгиня сама не смогла бы. Там же, в этом мешке, лежали деньги. Она зашла в низенькую дверь какого-то притона. Звенели стаканы, за липкими столами сидели сумрачные грубые люди. Один из них чуть поодаль угрюмо ерошил волосы.

— Добрый человек! — обратилась к нему Елизавета. Он поднял мрачное помятое лицо.

— Этот-то добрый? — усмехнулся кто-то. — Да это последний хитровский негодяй и вор.

— Добрый человек, — вновь прозвучал спокойный голос с едва заметным акцентом, — донесите этот мешок до моей обители. Знаете, на Ордынке? Я заплачу, — и она взглянула в его красноватые глаза. Что-то шевельнулось в отчаявшемся сердце. Ему верят, его просят о помощи. Он встал и подошел к ней.

— Я отнесу, ваше высочество, — сказал он.

— Проститесь со своими деньгами, матушка, — снова сыронизировал один из завсегдатаев притона.

Но мешок был в целости донесен, а сам «негодяй и вор» не мог забыть нежной

тишины обители, где его усадили и накормили обедом, не мог забыть он и того взгляда, который пронзил его душу в темном притоне. Не строгий суд, а светлый луч надежды увидел он в чистых глазах великой княгини. И ему так страшно было теперь возвращаться обратно, в топкое болото привычной жизни. Он просил Елизавету взять его хоть на самую грязную работу в обитель. И его взяли. Он стал помощником садовника. И через некоторое время трудно было узнать в этом тихом прилежном работнике прежнего угрюмого пропойцу.

А потом началась Первая мировая. Время ненависти и боли. А для великой княгини Елизаветы — время молитвы, сострадания и труда. Она устраивает госпитали, ухаживает за ранеными, снаряжает санитарные поезда. И терпит поношения за то, что она немка. Толпа хулиганов забросала камнями автомобиль, на котором ехала она в свою обитель с вокзала. Стекло было разбито, получил ушибы шофер. Но сама Елизавета была невредима. Еще не пришло ее время.

Но вот настал семнадцатый год, сначала — февраль, потом — октябрь. Для многих

тысяч православных христиан с тех осенних дней начался крутой и трудный подъем по лестнице святости. Одним из первых совершил его киевский митрополит Владимир, потом взошли по этим ступеням многие другие священники и миряне.

Не раз предлагали Елизавете обойти не легкий подъем. Сначала шведский министр, потом немецкий посол обещали увезти ее в Европу. Она не согласилась, потому что хотела остаться с русским народом. «Я испытываю такую глубокую жалость к России и к ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят, — писала она своей сестре-императрице. — Разве это не больной ребенок, которого мы любим в сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему».

И час ее пробил. «Господь нашел, что нам пора нести Его крест», — сказала она, когда чекисты с грубой силой оторвали ее от рыдающих сестер и затолкали в машину. А потом был долгий путь на восток, заключение, Екатеринбург, Алапаевск, и, наконец, та ночь, когда ей так и не удалось заснуть.

«Отче, отпусти им, не ведут бо, что творят», — попросила она написать на кресте, поставленном на месте убийства ее мужа.

— Отче, прости им, они не знают, что делают, — шептала она, когда солдаты толкали прикладами ее спутников в черную пустоту шахты, когда она сама летела вниз, во тьму. Да, она падала в глубокую шахту, но на самом деле все выше и выше поднималась по сияющим ступеням небесной лестницы, чтобы вступить в уготованную ей обитель, вечную обитель любви и милосердия.

В книгах о святой Елизавете мы не встретим многочисленных рассказов об исцелениях по ее молитвам. И думается, причина этого в нас. Мы слабо чтим ее память, мы почти не молимся ей. Вглядимся внимательнее и любовнее в прекрасный облик великой княгини, в ее жизнь, пронизанную светом сострадания и милосердия. А если случится нам впасть в тяжелую болезнь, если тьма опустится в наше сердце, то призовем ее имя. И она придет. Святая сядет у нашей постели, прикосновение ее мягких рук утешит нашу боль, и станет светло на сердце. А в комнате останется ненадолго чуть заметный аромат меда и жасмина.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

«Как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его», — написал в одном из своих писем старшему сыну святитель Лука. Он был уже слеп и стар тогда. За его плечами была огромная жизнь, жизнь-трагедия и жизнь-счастье. Жизнь, смыслом которой было общение с Творцом вселенной и служение людям.

Когда Валентин Войно-Ясенецкий закончил гимназию, ему подарили Новый Завет. С тех пор он читал и перечитывал книгу Жизни. С этих страниц говорил с ним Бог. Однажды, еще в юности, его пронзили слова Христа: «Жатвы много, а делателей мало». Он сидел тогда в небольшой комнате родного дома, все уже спали, часовая стрелка приближалась к двум, и слова Евангелия словно наполнили тишину ночи таинственным призывом.

— Господи, неужели у Тебя мало делателей? — в глубине души воскликнул будущий служитель Церкви, будущий делатель виноградника Христова. И сердце затрепетало в таинственном предчувствии.

А потом были долгие годы учебы на медицинском факультете, работы земским

врачом, годы плодотворных, необходимых людям трудов. Но только спустя двадцать лет после первого призыва услышал он второй.

Было это в 1921 году в городе Ташкенте. Еще не отбушевали кровавые события Гражданской, еще переполнены были госпитали и больницы ранеными красноармейцами. Но не прекращались преследования христиан. Красная чернь то тут, то там выжигала окурками очи святых ликов и срывала колокола с колоколен. Не иссякала и череда новомучеников, начатая митрополитом Киевским Владимиром. И уже близок был час митрополита Петроградского Вениамина. На одном из церковных собраний главный врач ташкентской больницы Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий горячо говорил о верности Христу. А после собрания, когда известный хирург вышел под ясное южное небо, кто-то взял его под руку. Это был владыка Иннокентий — один из епископов, высланных в тот год в Среднюю Азию.

— Доктор, вам нужно быть священником, — мягко проговорил пожилой архиерей.

Они стояли перед большим собором, было уже темно, и в лунном свете поблескивал

крест на величавом куполе. И хотя кругом была тишина, главному врачу ташкентской больницы слышались вдруг чьи-то крики, выстрелы. Перед глазами поплыли кровавые пятна, мелькнули какие-то развалины, искривленный от взрыва крест.

— Хорошо! Если так угодно Богу, я буду священником, — ответил Войно-Ясенецкий.

— При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце кричало: «Не могу молчать!» — говорил много лет спустя архиепископ Лука. — И я почувствовал, что мой долг защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к человеческому роду.

Для этого хирург и стал священником. Он спокойно и властно защищал свою веру. В больнице, где Валентин Феликсович продолжал работать, он всегда появлялся в подряснике, перед операцией молился у иконы Божией Матери, которая висела в операционной. Администрация больницы в конце концов возмутилась этим, и икону сняли. На следующий день Войно-Ясенецкий не пришел на работу.

— Если не вернут икону, я не буду оперировать, — отрезал он.

Внезапно привезли жену какого-то крупного партийца. Она нуждалась в операции. И только когда этот партиец пообещал вернуть икону на место, хирург-священник приступил к работе и спас больную. На следующий день на стене операционной в советской больнице снова висела икона.

Храм за храмом закрывали новые власти. Оставалась последняя церковь — та, где служил священник Валентин Войно-Ясенецкий. Однажды до него дошел слух: завтра придут закрывать и этот храм. Рано утром пришел отец Валентин к своей церкви, вступил под ее тихие своды. Долго молился в алтаре. Потом достал приготовленную флягу с керосином и стал снимать со стен иконы. Он решил твердо: когда придут опечатывать храм, он запрется, сложит иконы в груды, обольет их керосином и подожжет, а потом и сам шагнет в этот костер. Он надеялся, что это устрашит врагов Божиих, и они прекратят гонения на христиан. Но Бог не захотел его смерти. В тот день храм не закрыли. Это произошло, когда его в Ташкенте уже не было.

А потом Господь позвал его еще дальше. Весной 1923 года отец Валентин принял монашеский постриг. А вскоре, в конце мая того же года, в церкви святителя Николая Мирликийского в городе Пенджикенте при закрытых дверях два ссыльных архиерея посвящали во епископа иеромонаха Луку — хирурга Войно-Ясенецкого. Он преклонил свою голову ко Святому Престолу, епископ Болховский Даниил (Троицкий) раскрыл над ним Евангелие, епископ Суздальский Василий (Зуммер) читал слова совершительной молитвы Таинства, и в это мгновение дрожь пробежала по телу будущего архиерея. В трепете зашлось его сердце. Потому что он явственно ощутил прикосновение неизреченного к своей душе. Он слышал Бога. Непостижимый был здесь.

Стать архиереем в те годы значило взять крест у подножия Голгофы. Прошло чуть больше недели. Накануне воскресенья мирно читал епископ Лука правило ко Причастию. Было тихо, няня, которая заменила его детям умершую в 1919 году мать, уже уложила их и сама, усталая, задремала в кресле возле младшего. И тут громкий стук прервал вечернюю тишину. У дома

стоял «черный ворон». На пороге были чекисты, которые в считанные минуты превратили дом главного врача ташкентской больницы в хаос. Рукописи, одежда, книги были раскиданы по полу. Дети плакали. Особенно девочка. Епископ обнял ее. Простился со всеми своими родными и шагнул в ночь. Эта ночь продлилась одиннадцать лет. В течение этого времени тюрьмы сменялись ссылками, ссылки — недолгими периодами возвращения к обычной жизни, за которыми следовали новые аресты, тюрьмы и допросы.

Могучее мужество пронес святитель Лука сквозь эти годы.

В переполненной камере шум и толкотня. Идет раздача пайков. Каждый спешит ухватить себе кусок хлеба. Каждый мечтает получить похлебку погуще, чтоб не два, а три или даже четыре кусочка картошки плавало в мутной жижице. И только один человек, крупный, с большой седой бородой, спокойно ждет, когда все стихнет, и он возьмет то, что останется: пусть это будет одна подсоленная водица с привкусом картошки, и того довольно. А потом, под вечер, в самый разгар ожесточенных споров и стычек в переполненной, до остервенения

уставшей от совместного сидения камере, тот же крупный человек с седой бородой встанет на колени, обратившись в сторону крохотного оконца, и замрет в немой беседе с Богом. И отчего-то остальные тоже затихнут. Какой-то ласковый ветерок, «глас хлада тонка» пробежит в глубине изможденных сердец.

А потом будут страшные дни допросов. Тринадцатидневный конвейер. Один за другим сменяются следователи. Они то кричат, то начинают ласково уговаривать, суют под нос какие-то бумаги. Надо поставить только крохотную подпись. И не дают заснуть, день, второй, третий... тринадцатый. Они будят ударами сапога, они встряхивают, заставляют стоять спящее тело. И все суют и суют свою бумагу. Но он не поставит своей подписи под ложью. Он хочет остаться с правдой, а значит — с Богом. Его волоком оттащат в камеру. Он будет неподвижно лежать на нарах. Большой, исхудавший, с аритмией в сердце, в этом мужественном большом сердце, которое умело любить и жалеть.

Куда бы ни бросали безумные власти епископа-врача, он всюду лечил и спасал. В тюремной больнице он спас жизнь

умиравшему бандиту, свой тулуп отдал замерзавшему в карцере шпаненку. В долгих сибирских ссылках лечил, оперировал, возвращал зрение больным трахомой местным жителям, которым в своей глуши не доводилось даже и видеть хирурга. Однажды святитель Лука делал операцию перочинным ножом и разрез зашивал женским волосом. И никогда, подобно древним целителям, не брал за свои труды плату.

— Помните, что моими руками вас исцелил Бог, молитесь Ему, — говорил он больным.

Этапы и ссылки вели его то в Архангельск, то к низовьям Енисея, то в Красноярск. Повсюду он оставлял о себе благодарную память.

1970 год. Почти десять лет прошло со дня смерти владыки. Почти двадцать — с тех пор, как он оставил Красноярск. Галина Шамина — скромный врач красноярской больницы, обычный советский человек, воспитанный в атеизме, оттирает платком слезы, записывая воспоминания о докторе и епископе.

Ей было четырнадцать лет, когда ее школьный товарищ повредил ногу, и эта незначительная травма привела к тяжелой

гангрене. Врачи опустили руки. Мальчику оставалось жить несколько дней. В это время в тесной избушке енисейской деревеньки Большая Мурта жил ссыльный епископ. В летние дни его можно было отыскать в рощице, где на небольшой полянке он ставил на пенек складень и молился, опустившись на колени в мягкий мох сибирского леса. И без того притихший лес наполнялся священной тишиной. Величавые деревья прислушивались к молитвенному дыханию владыки и отвечали ему умиленным шелестом листвы. Здесь-то и нашли епископа энкавэдэшники, но на этот раз — не для того, чтобы бросить в новую тюрьму, а чтобы доставить в Красноярск на помощь умирающему мальчику (его родители смогли убедить местную власть вызвать знаменитого хирурга). Когда Галя узнала о приезде святителя Луки, она бросилась к дверям той комнаты, где он остановился. Робость на мгновение овладела девочкой. А потом она распахнула дверь и замерла. Перед Галей был высокий седобородый старец. Покой и мудрую силу излучала его фигура. И вдруг ей показалось, что владыка не просто сильный и мудрый, но бесконечно родной. Он любит, знает ее. И она бросилась к нему.

— Спасите моего друга, доктор! — вырвалось у девочки.

А он прижал ее голову к себе, гладил, как маленькую, утешал.

— Сделаем все, что сможем, и Бог поможет, Галя, — тихо говорил он.

Мальчик был спасен.

Спустя несколько лет, когда началась война, владыка снова встретил Галю в Красноярске. Она осталась тогда одна со старой бабушкой. И мама ее, которая была военным врачом, и отец ушли на фронт. Того немногого, что присылала мама, хватало, чтобы только не умереть с голоду. А еще ощущение брошенности, потерянности холодным кольцом стягивало душу. И вот однажды, когда тревога и отчаяние особенно подступали к сердцу, она увидела тихо бредущего старца. Высокий, белобородый, он шел с усилием, видно было, что болезни, испытания легли на его плечи тяжелым грузом, но покой и сила были те же. Девочка узнала его, а он, подняв на нее подслеповатые глаза, улыбнулся доброй широкой улыбкой.

— Галечка...

Потом святитель узнал о ее положении и сказал:

— У тебя нет дедушки, ты хотела бы его иметь?

— Конечно...

— Ну вот я и буду твоим названным дедушкой.

Раз в неделю она приходила к нему, рассказывала о своих друзьях, о школе, о планах на будущее, он делился с нею своими впечатлениями от операций. Он учил ее состраданию. Может быть, тогда Галя и решила твердо стать врачом, чтобы утешать чужую боль. Она уходила от него с тихим теплом в душе. Нередко он помогал ей продуктами, хотя и сам жил впроголодь. Однажды она отважилась пригласить его в кино.

— Что ты, милая, ведь я монах, мирские удовольствия не для меня, — ответил он. И на Галю повеяло тем неведомым духовным миром, который ей, советской девочке, был совершенно неведом.

Прошли годы, в далеком Крыму скончался святитель Лука, но Гале навсегда запомнилось тепло его сердца. И где-то в глубине сознания она не могла не чувствовать, что тепло это не просто человеческое, его источник — сокровенный мир бессмертного духа.

Как дышала душа владыки запредельным! Как любил он, ученый-практик, хирург и анатом, прикосновение вечного, незримого мира! В эпоху материализма и научного атеизма он свидетельствовал о том, что в основе всего сущего лежит неопостижимое духовное начало. В те годы, когда искореженные кресты падали с последних незакрытых церквей, когда атеистическая пропаганда разрушала остатки религиозных представлений в человеческих душах, он вынашивал план своей самой заветной книги. «Дух, душа и тело» — стала называться она впоследствии. Пройдет двадцать — тридцать лет — и какой-нибудь младший научный сотрудник, уставший от серого атеизма своей науки, будет перелистывать ночью, задвинув на кухне шторы, выцветшие листочки подслеповатой самиздатовской машинописи.

«Энергией любви, излившейся по всеблагой воле Божией, Словом Божиим дано начало всем другим формам энергии, которые, в свою очередь, породили сперва частицы материи, а потом через них и весь материальный мир», — прочтет научный сотрудник. Страница за страницей он будет перелистывать эту летопись таинственного

присутствия духа в человеческой жизни и, дойдя до последней главы «Бессмертие», прочтет с каким-то детским волнением: «Невозможно допустить, что все бесчисленные звездные миры были только грандиозными массами мертвой материи, чтобы мир живых существ обрывался на человеке, этой первой ступени духовного развития. Что мешает допустить, что небесные тела служат местом обитания бесчисленных живых разумных существ, высших форм интеллектуальности?» И что-то радостно затрепещет в душе скромного научного сотрудника, и он спрячет эти затертые листочки, выйдет на крохотный балкон серой многоэтажки и замрет вдруг перед мерцающей славой звездного неба над убогим спальным районом большого города.

Холодная дворницкая красноярского госпиталя. На ободранном столике тарелка пустых щей. Полкуска хлеба рядом. Этот обед принесла жалостливая медицинская сестра живущему здесь прославленному хирургу, консультанту всех красноярских госпиталей епископу Луке. За спасение сотен раненых солдат власти не дали ему даже нищенского пайка. Но другой голод, голод духовный, мучает его гораздо

сильнее. Он тоскует по Небесному Хлебу святой Литургии. И когда в 1943 году в Красноярске открыли единственную крохотную церквушку и впервые за несколько лет святитель проповедовал с амвона в качестве красноярского епископа, подступающий к горлу комок благодарных и радостных слез мешал ему говорить.

А потом была Тамбовская кафедра, за ней — Крым. Здесь когда-то родился будущий хирург-епископ. Сюда привел его Господь в последние годы жизни.

Старенький дом на Госпитальной улице Симферополя. Обвалившаяся штукатурка обнажает взлохмаченную дранку. Нечиненое крыльцо завалилось набок. На втором этаже — архиерейская квартира. На кухне — огромная кастрюля супа, на длинном столе в гостиной — два огромных блюда с хлебом. Целая груда тарелок ждет своего часа на краю стола. Скоро за столом усядется огромная семья владыки. Тут будут и его настоящие родственники, и какие-то нищие симферопольские старушки, и чьи-то худые дети с испуганными глазами, и прочие, прочие, кто ищет под кровом святителя в эти трудные послевоенные годы и куска хлеба, и тепла любви.

Все его архиерейское жалование уходило на эти обеды, на помощь далеким и близким друзьям и духовным чадам, на посылки родным детям. Когда его племянница Вера, зашив очередную дырку на протертых рукавах рясы, предлагала дяде купить новую одежду, он говаривал:

— Латай, латай, Вера, бедных много.

А вечером один за другим идут по лестнице на второй этаж больные. Они стучатся к владыке, ждут от него помощи. Потому что здесь каждый вечер он ведет врачебный прием.

И каждый день звучит в симферопольском соборе проповедь. О неправде советского атеизма говорит святитель. О близости горнего мира, о том, что Бог, Его ангелы и святые совсем рядом.

— Не бойся, малое стадо, — скажет он, когда по всей стране прокатится новая волна хрущевских гонений. Епископ Лука будет отстаивать церкви, спорить с уполномоченным по делам религии, скорбеть о недостойных священниках, которые не хотят нести свой крест. А потом придет слепота. Тихо вступит она в его жизнь, как вестница иного мира. «Слепота углубляет работу мысли и нравственного чувства», —

написал он за несколько лет до потери зрения. «Я принял как Божию волю быть мне слепым до смерти, принял спокойно, даже с благодарностью Богу», — скажет он незадолго до кончины.

...В тот июньский день в Симферополе было невиданное шествие. Как ни старались власти не допустить людей ко гробу владыки, тысячи белых платочков прорвались к катафалку. Народ запрудил центральные улицы, люди были на деревьях, балконах и крышах. Они окружили тело владыки живым, взволнованным морем.

— Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас, — пело и пело это многотысячное море. Слова великой молитвы уходили под небо безбожного государства. Идеологи атеизма ничего не могли поделать с этим.

— Мы хороним нашего архиепископа, — отвечали люди на все попытки заставить их замолчать.

А сам владыка поднимался незримой тропой к вечным звездам. Обитатели горного мира ждали его. И он вошел под их кров, чтобы возвращаться к нам и снова надевать медицинский халат, брать в руки скальпель и спасать. Только теперь ему не нужны

анестезия, лекарства, антисептики, потому что с ним благодатная любовь Божия, целящая всякий недуг.

* * *

...Архимандрит Нектарий (Антонопулос), настоятель древнего Спасо-Преображенского Сагматского монастыря в Греции, привез в немецкий медицинский центр умирающего мальчика, которого испугались оперировать в Афинах. Операция прошла прекрасно, и немецкие врачи сами удивлялись такому полному успеху.

— Только вот непонятно, зачем вы привезли его к нам, когда с вами был специалист самого высокого уровня. Он вел операцию, и мы во всем следовали его рекомендациям, — сказал на прощание хирург.

— Какой специалист? — удивился отец Нектарий.

— Как какой? В халате и шапочке старого образца, с седой бородой, в очках.

Недоумевая, отец Нектарий попросил показать ему журнал, где регистрировались врачи. Последним в списке стояло написанное русскими буквами имя: «Архиепископ Лука».

Святитель пришел в тот немецкий центр, чтобы спасти греческого мальчика, как приходил потом и в другие дома и клиники — без боли и крови прооперировать больную руку священнику, исцелить воспаление среднего уха пожилой женщине, вернуть способность ходить ребенку, искалеченному автомобильной аварией. Придет он и к нам, если мы вспомним его. Святитель поможет нам в телесной немощи. Он встанет рядом с нами, когда кричащая яркость современного антихристианства обожжет наши души. Он накинет медицинский халат поверх архиерейского облачения и примет наши души на свои руки, когда придет время нашего исхода из этой жизни.

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ШАНХАЙСКИЙ и САН-ФРАНСИССКИЙ

Год 1948-й. Шанхай. С океана обрушился на город тайфун. Яростно хлещет ливень по ночным улицам. Полгорода во тьме. Линии электропередачи повредил шквальный ветер. Нарушена телефонная связь. В одной из многочисленных больниц огромного мегаполиса умирает бедный русский эмигрант.

Дежурная сестра подходит к стонущему больному.

— Сестра, мне нужно вызвать... владыку Иоанна, нашего епископа.

— Но телефон не работает. Послать некого. Я схожу за ним в шесть утра, когда кончится моя смена.

— Будет поздно, — шепчет сухими губами умирающий.

Новый порыв ветра хлещет жестоким ливнем в оконную раму. На соседней койке постанывает другой пациент, разбуженный ночным тайфуном. И вдруг — внизу раздастся стук. Заспанный сторож всматривается в залитую дождем тьму. Низенькая фигурка в черном горбится у порога.

— Откройте, я епископ Иоанн, меня здесь ждут, — пытается перекричать ветер ночной посетитель.

И вот он уже в вестибюле. Насквозь мокрый подрясник, вода стекает с бороды, с помятой монашеской скуфейки, руки прижимают к груди портфельчик, прижимают так, словно там величайшее сокровище. Из-под запотевших очков лучится пронзительный ясный взгляд.

— Где тяжелобольной, который ждет меня? — решительно спрашивает человек

дежурную сестру, которая только что сбежала вниз.

— Владыка! Откуда? — всплескивает она руками и ведет его за собой. Умиравший счастливо раскрывает глаза. Слова последней исповеди тают у самой подушки. И посетитель достает из портфеля то, что и в самом деле ценнее всего на свете. В крошечной дароносице — Святые Тайны. Через час душа нищего русского эмигранта встретит вечность — но с ней будут молитвы владыки Иоанна, с ней будет благодать последнего Причастия. Владыка слышал его зов, потому что он не спит. Он никогда не ложится в кровать с тех пор, как в далекой Сербии принял монашество. Он не ложится спать, потому что времени для сна нет, ведь в мире всегда есть чья-то боль и чей-то плач, который слышит чуткое сердце и не может уснуть. Только иногда, среди дня или под утро, на четверть или на полчаса забывается он сном, сидя в кресле. А потом снова идет туда, где его ждут, где он нужен.

Единственная дочь эмигрантской семьи уже несколько дней мечется от жара. Каждый вздох дается ей с великим трудом. Дифтеритные пленки сдавили горло. Мать

с ужасом сжимает драгоценную слабую ладошку, вслушиваясь в хриплое, прерывистое дыхание. Любое мгновение может стать последним для ее худенькой восьмилетней дочки с большими, чуть раскосыми глазами. Но что за шум в передней? Какие гости в такой поздний вечер? Неужели это он? Шанхайский епископ, владыка Иоанн. Да-да, вот его низенькая фигурка появилась в проеме двери. Он у постели девочки. От него пахнет ладаном и еще чем-то теплым. Он наклоняется к ней. Ласковые глаза как две таинственные звездочки.

— Что это ты себе позволяешь? Хватит тут хандрить. Маму только расстраиваешь. Давай лучше я тебе шутку одну скажу, — улыбается в бороду неожиданный гость.

И вдруг из него начинают сыпаться самые нелепые детские прибаутки и анекдоты. Как они только удержались в его памяти? Девочка сначала смотрит ошеломленно, потом начинает улыбаться и наконец принимается беззаботно, легко хохотать. Приступ сильного кашля прерывает смех. И тут лопаются пленки. Горло очищается. Она делает первый за много дней свободный вздох, облегченно опускается на подушки и затихает. Замирает у ее

постели и владыка Иоанн. Он смотрит куда-то вглубь, вглубь собственной тишины. На самом дне этой тишины встречается он Бога. А девочка будет через несколько дней уже совсем здорова. Спустя пару недель он сам будет причащать ее в храме в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных». В том самом храме, который затерялся среди многоэтажных построек необъятного китайского портового города и который возвели на свои нищенские деньги русские эмигранты.

Здесь русский епископ служит каждый день. Каждое утро начинает он с Литургии. Владыка Иоанн встречается Христа в Его Святых Таинах, чтобы идти дальше в мир и нести людям помощь и свет. Каждый день после Литургии он идет по лабиринтам шанхайских улиц к тем больницам и госпиталям, где лежат его больные, обездоленные дети. Входит в палаты, садится у постелей, причащает, благословляет, поит святой водой.

Один русский врач был при смерти. Доктора объявили его жене, что жить ему осталось несколько часов. Она бросилась, не разбирая дороги, в темноту ночи. Чудом оказалась возле дверей собора.

«Закрыт, конечно», — подумалось ей. Но что-то мелькнуло там, в окне храма. Она взялась за ручку двери. Та поддалась. Перед женщиной — таинственный сумрак церкви. У самого алтаря, на клиросе, горит свечка. Маленькая фигурка человека в черном горбится над аналоем. И вдруг человек поворачивается и подходит к ней.

— Я все знаю, надо спешить, — быстро говорит он.

И они летят по ночным улицам китайского города к дверям больницы. И вот они уже у постели умирающего. Шелест молитвы касается мягким дуновением слуха больного. Он поворачивается к вошедшим.

— Владыка, — шепчет он, и дыхание становится ровнее, судорожно скрюченные руки спокойно ложатся на грудь. Владыка Иоанн благословляет врача, его жену и тихо уходит. Ему надо спешить, ведь его продолжают звать. Он еще многим, слишком многим нужен. А доктора той больницы, где лежит, как они убеждены, умирающий врач, на следующий день с удивлением будут констатировать неожиданный перелом в ходе болезни. Больной выздоровеет и будет еще много лет сам лечить людей сначала в Шанхае, потом в Сан-Франциско, куда забросит его прихотливая судьба эмигранта.

Кто из русских в Шанхае не знает трехэтажного дома детского приюта во имя святителя Тихона Задонского? Да-да, того самого, у которого изящная терраска на втором этаже и небольшой балкончик на третьем. Там есть одно окошечко, справа, под самой крышей — свет в нем никогда не гаснет, даже глубокой ночью. Если приглядеться, то можно увидеть, что вся стена небольшой комнатки увешана иконами, и перед ними склоняется в земных поклонах худенький черноволосый человек в латаном подряснике. Он молится здесь за своих детей. А их у него ох как много: несколько тысяч, несколько тысяч детей, потерявших родину. И среди них особенно дороги ему самые младшие, те, что живут в этом доме с живописной терраской. Он сам собирал их по нищенским жилищам эмигрантов, по кварталам китайской бедноты. Кое-кого приходилось ему и покупать за бутылку рисовой водки, а кого-то вытаскивал он из помойных ящиков и нес пищащий, хотящий жить сверточек в свой трехэтажный дом, где его верные духовные дочери и помощницы дарили свое тепло этим брошенным детям.

Каждую ночь он обходит комнаты нижних этажей и благословляет спящих. Он склоняется над погруженными в безмятежный сон личиками, он помнит каждую душу. Вот, например, этот вихрастый мальчишка. Сейчас он чуть улыбается во сне и опять скинул с себя одеяло. Как бы не простудился! Его зовут Паша. Веселый разговорчивый паренек. А ведь когда его доставили в приют, он только шипел и готов был растерзать всякого, кто подойдет к нему. Он потерял дар речи с тех пор, как китайские коммунисты на глазах у него убили его родителей. В первый день он жался в самом уголке приемного покоя и не подпускал никого. Тихо подошел к нему владыка, опустился перед ним на корточки, взял его дрожащую, колючую ручку в свои ласковые ладони. Взглянул в его глаза.

— Я знаю, ты потерял отца, но вот он нашелся — я твой отец, — ласково проговорил владыка и обнял мальчика, и тот прижался к истертой ткани подрясника, зарылся носом в седину взлохмаченной бороды и разразился слезами. А потом, когда слезы прошли, поднял глаза на владыку.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил владыка Иоанн.

— Павлик, — чуть слышно, сам не веря тому, что может опять говорить, прошептал мальчик.

И здесь, в Китае, и позже в Париже, в Брюсселе, в Сан-Франциско он будет помнить поименно всех тех, кто жил с ним под одной крышей. Всюду любимым его облачением будет то, которое вышили ему немного корявыми, трогательными крестиками приютские дети. А любимой митрой станет кургузая, высокая шапка с бисерными цветами — над ней тоже трудились старательные детские ручки.

Когда новые коммунистические власти Китая начнут гнать из своей страны русских эмигрантов, владыка Иоанн останется единственным заступником своих детей — и тех, которые жили в приютском доме, и тех, кто раскидан был по гигантскому Шанхаю. Он вывезет их на филиппинский остров. Полтора года он будет хранить их своей молитвой, еженощно обходя небольшой остров и благословляя его окрест. И все смывающий на своем пути тайфун, что должен был растерзать островок, повернет в сторону и разразится в далеких океанских просторах. Тропический ураган не вынесет сражения с кротко

благословляющей рукой крохотного человека в черном подряснике, края которого давно уже измочила морская пена.

А спустя полтора года он вымолит у американских властей для своей паствы право жить в Америке. Его дети переселятся в Сан-Франциско и в другие американские города. На западном берегу Соединенных Штатов снова воскреснет приют святителя Тихона. Вот только сам владыка на многие годы станет редким гостем в своем приюте, ведь его отправят служить в Париж.

В одном из бедных районов французской столицы есть мрачноватое место. Там сгрудились невзрачные низенькие строения — в основном гаражи. Сюда-то каждое утро ходит теперь владыка. Он идет по парижским улицам босиком, в помятой скуфейке, шепча молитвы, благословляя парижские кварталы, и француженки выносят ему под благословение своих детей. Он идет к тем самым невзрачным сооружениям, потому что там, в двух гаражах, ютится его кафедральный собор.

А после ежедневной Литургии, как и в Шанхае, путь его лежит к больным и страдающим соотечественникам. Он несет им Святые Тайны. Он вновь и вновь стучится

в переполненные больницы, садится у изголовья страдающих, склоняет в молитве колени на кафельном полу лечебниц для бедных.

Русская женщина, находившаяся в одной из больниц, ждала владыку. Она хотела причаститься. Но глупая мысль мучила ее. Несколько десятков француженок лежат в ее палате, и не будет ли стыдно перед этими иностранками, когда войдет сюда владыка, такой жалкий, зачем-то босой, в измятом подряснике, с неприбранными длинными волосами. Но в то мгновение, когда он появился, все затихли. Благоговейная тишина дохнула в больничной палате. Забыла свои смешные сомнения и та русская женщина. А после ухода владыки соседка француженка сказала ей:

— Вы, русские, счастливые, что имеете такого епископа. Моя подруга живет недалеко от того места, где он проходит каждое утро. Когда ее дочка болеет, она выносит больную под его благословение, и та всегда после этого поправляется.

* * *

А потом владыка был возвращен своей шанхайской пастве, большая часть которой оказалась в Сан-Франциско. Здесь суждено

ему было прожить последние годы. Сотни русских встречали своего епископа в аэропорту. Когда на трапе показалась маленькая фигурка в черном с деревянным посохом в руке, они дружно затаили что-то церковное. Какая-то женщина зашептала громким шепотом:

— Он по ночам не спит. Навещает больных и страждущих и их исцеляет. Он святой.

А владыка и в самом деле ступил на американскую землю, чтобы вновь и вновь идти на зов, слышать чужую боль, спешить на помощь.

Однажды его везли в аэропорт. Он должен был лететь в Нью-Йорк по важному церковному делу.

— Нам надо срочно заехать на Тридцать шестую авеню, — неожиданно обратился владыка к шоферу.

— Но тогда вы опоздаете на самолет! — воскликнул шофер.

— А вы можете взять на себя чужую жизнь? — спросил владыка Иоанн.

У Лидии Лю муж попал в аварию. Его положение было крайне опасным. Боль не давала ему заснуть. И врачи ничего хорошего обещать не могли. «Если позвать

владыку, он бы помог», — думала Лидия, но звать епископа не решалась. Она знала: он страшно занят. Он достраивает новый собор, занимается организацией новой епархии, постоянно находится в разъездах и полетах по делам Зарубежной Церкви. Нет, она не могла отвлечь владыку от тысячи этих и других необходимых забот. Но состояние мужа делалось все тяжелее. Его стоны и жалобы разрывали сердце Лидии. В то утро он стонал особенно болезненно, и она собралась уже вызывать «скорую», когда в дверь позвонили. Перед ней стоял владыка. Пять минут пробыл он в тесной квартирке на Тридцать шестой авеню, сидя у постели больного, положив руку ему на лоб. Но эти пять минут вернули больного к жизни. Он быстро стал выздоравливать.

...Да, а самолет, на котором должен был лететь владыка, задержали на час. Как раз на столько, сколько потребовалось ему, чтобы утешить боль и утолить страдание одного из тысяч своих духовных детей.

В конце июня 1966 года, совершив очередной авиаперелет, владыка служил Литургию в Сиэтле. Последнюю свою Литургию. Долго не выходил из алтаря. Он любил после принятия Святых Христовых

Таин помногу молиться в алтарном безмолвии. Но так долго никогда еще не оставался у алтаря. Наконец он поднялся в отведенную ему комнату. Через несколько минут оттуда раздался громкий стук. Когда дверь комнаты открыли, владыка лежал мертвым перед иконой Пречистой Девы, той самой, Курской-Коренной, перед которой исцелен был некогда смертельно больной мальчик Проша, будущий батюшка Серафим, и которая стала главной святыней русской эмиграции.

Владыка поднимался теперь над американским Сиэтлом, над Сан-Франциско, над филиппинским островом Тубобао, над многомиллионным Шанхаем, над украинской степью, среди которой родился некогда, над всем этим крохотным миром. Перед ним открывались необозримые просторы вечности. Но нас, обитателей Земли, он не забыл.

Когда отошли последние панихиды и гроб был поставлен в усыпальницу под сан-францисским собором, одна из давних духовных дочерей почившего святителя, усталая и скорбная, забылась глубоким сном. Она видела храм, в который внесли гроб владыки. Толпа людей наполняла

церковь. Тщетно пыталась женщина подойти, попрощаться с любимым епископом: ее все оттесняли и оттесняли. Каким-то невероятным усилием она все же приблизилась ко гробу, с замиранием сердца, со страхом заглянула в него — но он был пуст. А едва подняв голову, она увидела, что владыка стоит у Царских врат и благословляет народ. И все идут и идут к нему, а он помазывает людей святым елеем.

И тут он поднял глаза на нее, такие знакомые, лучистые, ласковые глаза.

— Передай людям: хотя я умер, но я жив, — долетели до нее слова святителя. И она проснулась с радостно бьющимся сердцем.

Владыка действительно жив. Он близок к нам. Сотни рассказов о его помощи наполняют книги о нем. Рак, слепоту, астму, последствия автокатастроф — чего только не исцелял святитель Иоанн после молитвенного обращения к нему. Особенно масло из лампы у раки с его мощами многократно помогало людям.

Совсем недавно, тихим и теплым летним вечером, возле старинной сельской церкви я встретил пожилого священника из Москвы. Была всенощная накануне памяти

преподобного Сергия. Последние песнопения службы, выводимые старческими голосами деревенских прихожанок, еще доносились сквозь приоткрытые окна храма. Березки трепетали по склону глубокого оврага. А священник, отягощенный многими болезнями, шел отдохнуть в дом своей родни (здесь он родился и жил, до того как уехал в столицу). Я держал под мышкой недавно вышедшую книгу про святителя Иоанна и, собственно, ради того, чтобы подарить ее этому священнику, который был на следующий день именинник, я и ждал его на смиренной травке церковного двора под уже отцветшей раскидистой липой. Батюшка встретил меня доброй, теплой улыбкой и, разглядывая обложку книги, с которой святитель благословлял нас, сказал:

— А я очень люблю владыку Иоанна. Он ведь даже и мне помог. Я — сердечник. У меня стали отекать ноги. Образовалась незаживающая язва. Всякие мне лекарства прописывали. Ничего не действовало. Тут мне передали маслице от гробницы святителя Иоанна. Стал мазать. Через несколько недель зажило. Так что спасибо за книгу, — и пожилой священник снова тепло и ласково улыбнулся и пошел через дере-

венскую улицу. А я остался стоять на церковном дворе. Старушки, пропевшие и отстоявшие всенощную, уже расходились по своим дворам. Старенький алтарник вешал замок на слегка облупившуюся щелястую дверь деревянной церкви, а я все медлил возле этих стен, этой теплой тишины июльского вечера.

И было так хорошо и тихо, и как-то ясней обычного прозвучало в сердце: святые рядом. Они входят в нашу жизнь незримо и бесшумно, но тепло их присутствия согревает наши нищие сердца. Они берут нас за руку и ведут по шоссейным дорогам и шумным проспектам нашего суматошного века.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
<i>Часть первая</i>	
СВЯТЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ ДРЕВНОСТИ . .	7
Святой великомученик и целитель Пан- телеимон	9
Святой мученик Трифон.	27
Святой мученик Фалалей	41
Мученичество святого Диомида . . .	46
Святые мученики Кир и Иоанн. . . .	49
Мученичество святых Фотия и Ани- киты.	57
Святые Косма и Дамиан	61
Святой Сампсон Странноприимец . .	72

Часть вторая

СВЯТЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ	81
Блаженная Ксения	83
Преподобный Серафим	98
Святой праведный Иоанн Кронштадт- ский	113
Блаженная Матрона Московская . . .	129
Преподобномученица великая княги- ня Елизавета	141
Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) . .	156
Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский.	173

Религиозно-просветительское издание

Серия «Православие в жизни»

Тимофей Веронин

КОМУ МОЛИТЬСЯ В БОЛЕЗНЯХ

Рассказы о святых целителях

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Редактор *Н. Мамлина*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Корректоры *В. Ильичева, Т. Горячева*

Верстка *Ю. Рахманина, В. Шаш*

В книге использованы фотографии из архивов
Издательства Московской Патриархии
Русской Православной Церкви,
Издательского Совета Русской Православной Церкви,
пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси,
а также В. Ходакова.

Подписано в печать 28.05.2014.

Формат 70×100 1/32. Объем 6,0 п. л.

Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Заказ № 260

Издательство Московской Патриархии

Русской Православной Церкви

119435, Москва, Погодинская ул., 18

Оптовый отдел реализации:

(499) 246-20-86, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

<http://www.rop.ru>

Отпечатано в типографии Патриаршего

издательско-полиграфического центра,

г. Сергиев Посад. Тел./факс: (495) 721-26-45.

Во все времена верующие возносили молитвы к Богу и Его Пречистой Матери о даровании исцелений от болезней и просили заступничества святых целителей. А знаем ли мы о подвигах тех угодников Божиих, которые еще при жизни своей врачевали души и тела людей? На страницах этой книги рассказывается и о святых целителях древности, и о святых целителях последних веков — о великих подвижниках, которые прославились своей жертовенной любовью к ближним и твердой верой во Христа.

Издательство
Московской
Патриархии
Русской
Православной
Церкви